Цѣна 2 марки. Preis 2 Mark.

BARBAREN
Drama in 4 Akten von Maxim Gorki.

Максимъ Горькій.

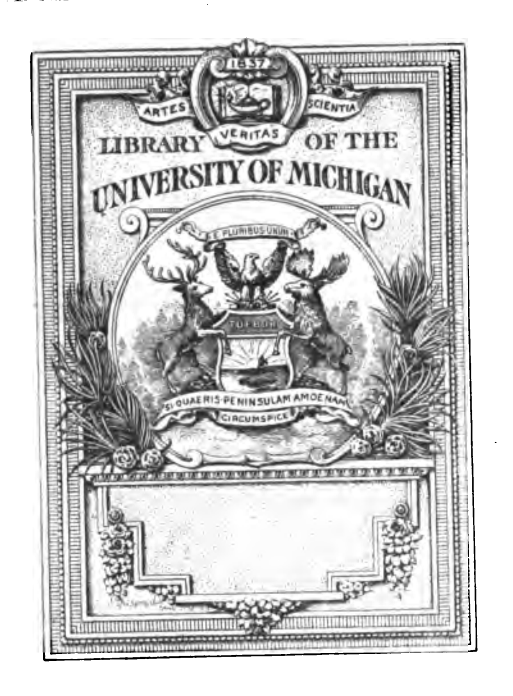
ВАРВАРЫ

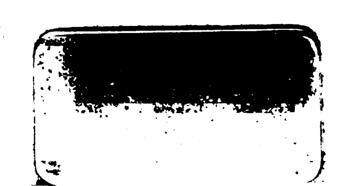
ДРАМА

въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

STUTTGART
VERLAG VON J. H. W. DIETZ NACHFOLGER
1906

1837
ARTES
SCIENTIA
VERITAS
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

Цѣна 2 марки. Preis 2 Mark.

BARBAREN

Drama in vier Akten von Maxim Gorki.

Максимъ Горькій.

ВАРВАРЫ

ДРАМА

въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Stuttgart
Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger
1906.

Druck von P. Stankiewicz' Buchdruckerei, Berlin SW. 11.

М. ГОРЬКІЙ.

ВАРВАРЫ.

Варвары.

Дѣйствующія лица:

Черкунъ, Егоръ Петровичъ, 32 лѣтъ.
Анна Федоровна, 23 л.
Цыгановъ, Сергѣй Николаевичъ, 45 л.
Богаевская, Татьяна Николаевна, 55 л.
Лидія Павловна, 28 л.
Рѣдозубовъ, Василій Ивановичъ, 60 л.
Гриша, 20 л.
Катя, 18 л.
Притыкинъ, Архипъ Фомичъ, подъ 35 л.
Пелагея Ивановна, 45 л.
Монаховъ, Маврикій Осиповичъ, 40 л.
Надежда Поликарповна, 28 л.
Головастиковъ, Павлинъ Савельевичъ, подъ 60 л.
Дробязгинъ, 25 л.
Докторъ Макаровъ, 40 л.
Веселкина, 22 л.
Исправникъ, 45 л.
Ивакинъ, 50 л.
Лукинъ, Степанъ, 25 л.
Дунькинъ мужъ, подъ 40 л.
Гогинъ, Матвѣй, 23 л.
Степа, 20 л.
Ефимъ, 40 л.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Луговой берегъ рѣки — за рѣкою виденъ маленькій уѣздный городъ, ласково окутанный зеленью садовъ. Передъ зрителями — садъ, яишня, рябина и липы, нѣсколько штукъ ульевъ, круглый столъ, врытый въ землю, скамейки... Вокругъ сада — растрепанный плетень, на кольяхъ торчатъ валеные сапоги, виситъ старый пиджакъ, красная рубаха. Мимо плетня идетъ дорога отъ перевоза черезъ рѣку на почтовую станцію. Въ саду направо — уголъ маленькаго, ветхаго дома, къ нему примыкаетъ ветхій ларь — торговля хлѣбомъ, баранками, сѣмячками и брагой. Съ лѣвой стороны у плетня примыкаетъ какая-то постройка, крытая соломой, — садъ уходитъ за нее. Лѣто, время — послѣ полудня, жарко. Гдѣ-то дергаетъ коростель, чуть доносится заунывный звукъ свирѣли. Въ саду, на завалинѣ подъ окномъ сидитъ Ивакинъ, бритый и лысый, съ добрымъ, смѣшнымъ лицомъ и внимательно играетъ на гитарѣ. Рядомъ съ нимъ — Павлинъ, чистенькій, аккуратный старичекъ, въ поддевкѣ и тепломъ картузѣ. На окнѣ стоитъ красный кувшинъ съ брагой и кружки. На землѣ у плетня сидитъ Матвѣй Гогинъ, молодой деревенскій парень и медленно жуетъ хлѣбъ. Съ правой стороны, гдѣ станція, доносится лѣнивый и больной женскій голосъ — „Ефимъ..." Молчаніе. Слѣва, по дорогѣ идетъ Дунькинъ мужъ, человѣкъ неопредѣленнаго возраста, оборванный и робкій. Снова раздается крикъ „Ефимъ!"...

Ивакинъ.

Ефимъ... Эй!

Ефимъ

(*идетъ по саду вдоль плетня*)

Слышу... (*Матвѣю*) Ты чего тутъ?

Матвѣй.

Ничего... вотъ — сижу...

(*Третій разъ уже раздраженно зовутъ: „Ефимъ!"*)

Ивакинъ.

Ефимъ! Что-жъ ты, братецъ ты мой...

Ефимъ.

Сейчасъ... (*Матвѣю*) Пошелъ прочь!... (*Снимаетъ рубаху съ плетня, Дунькинъ мужъ кашляетъ и кланяется ему.*) А... явился! Чего надо?

Дунькинъ мужъ.

Изъ монастыря иду, Ефимъ Митричъ...

Ефимъ (*идетъ*)

Выгнали? У, дармоѣды... черти!

Ивакинъ (*Ефиму*)

А ты, братецъ, иди, когда зовутъ... (*Павлину*) Любитъ командовать — старикъ...

Павлинъ.

Всякому человѣку этого хочется.

Ивакинъ.

А люди — противъ... люди не желаютъ... чтобъ на нихъ зря орали... да...

Павлинъ.

Какъ ни поступай, одобренія отъ людей не заслужишь... Однако, въ строгости всѣ нуждаются.

Ивакинъ.

Этотъ же самый вальсъ можно играть на другой манеръ. Вотъ какъ! (*Играетъ.*)

Дунькинъ мужъ.

О, Господи... обругалъ человѣкъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ... а за что?

Матвѣй.

Жарко.

Дунькинъ мужъ.

И мнѣ жарко, но я терплю молча... Просто — человѣкъ, который хоть нѣсколько сытъ — уже почитаетъ себя начальствомъ... Хлѣбъ да соль!

Матвѣй.

Ѣмъ да свой...

Дунькинъ мужъ.

Деревенскій? Хорошо въ деревняхъ хлѣбъ пекутъ.

Матвѣй.

Когда мука есть — ничего, испечь могутъ... А это — у Ивакина я купилъ...

Дунькинъ мужъ.

Скажите! Запахъ у него, однако, какъ у деревенскаго... Позвольте мнѣ кусочекъ... отвѣдать?

Матвѣй.

Самому мало...

(*Дунькинъ мужъ, вздохнувъ, двигаетъ губами*).

Ивакинъ.

Вотъ... можно играть еще медленнѣе.

Павлинъ.

Говорите — называется это — „Вальсъ сумасшедшаго священника“?

Ивакинъ.

Именно...

Павлинъ.

Почему-же такъ? Чувствую въ этомъ нѣкоторый соблазнъ и какъ-бы неуваженіе къ духовному сану...

Ивакинъ.

Ну, пошелъ мудрить! Экой ты, Павлинъ, придира!

Павлинъ.

Напрасно такъ осуждаете, ибо всѣмъ извѣстно, что скилетъ души моей — смиреніе... но только умъ у меня безпокойный...

Ивакинъ.

Не располагаешь ты къ себѣ, братецъ мой... вотъ что!

Павлинъ.

Ибо возлюбилъ правду превыше всего... На гоненія же не ропщу и будучи въ намѣреніяхъ моихъ твердъ, ничего кромѣ правды не желаю.

Ивакинъ.

Чего тебѣ желать? Домишко есть, день жонки есть... (*Слѣва слышно голоса, Ивакинъ смотритъ.*) Почтмейстерова дочь идетъ... куда это?

Павлинъ.

Вертихвостка... Пагубнаго поведенія дѣвица... (*Идутъ Дроблязгинъ и Веселкина.*)

Веселкина.

Я вамъ говорю — она была замужемъ за инженеромъ!

Дробязгинъ.

Марья Ивановна! Отчего у васъ такое недовѣріе къ фактамъ?

Веселкина.

Я вѣрю только въ то, что знаю...

Дробязгинъ (*почти съ отчаяніемъ*)

Но этотъ пессимизмъ совершенно не совпадаетъ съ вашей наружностью! Повѣрьте мнѣ — мужъ Лидіи Павловны былъ директоромъ лакричнаго завода и она его не бросила, а просто онъ умеръ, подавившись рыбьей костью...

Веселкина.

Она его бросила, говорю вамъ!

Дробязгинъ.

Марья Ивановна! У насъ на почтѣ все извѣстно...

Веселкина.

Онъ укралъ деньги и теперь подъ судомъ.. и она сама въ это дѣло запутана — да-съ!

Дробязгинъ.

Лидія Павловна? Марья Ивановна! Сама Татьяна Николаевна...

Веселкина.

А за то, что вы спорите — вы должны угостить меня брагой...

(*Ивакинъ встаетъ и уходитъ за уголъ дома. Павлинъ беретъ оставленную имъ гитару, заглядываетъ внутрь ея, трогаетъ струны.*)

Дробязгинъ.

Извольте! А все таки она — вдова!

Веселкина.

Да? Хорошо-же... Вы увидите... (*Уходятъ направо.*)

Дунькинъ мужъ (*не громко*).

Слушай... дай кусочекъ, Христа ради!

Матвѣй.

Что-жъ ты, чудакъ, прямо не сказалъ? Просишь отвѣдать... развѣ хлѣбъ отвѣдываютъ?

(*Въ саду является Ивакинъ, ставитъ на столъ кувшинъ браги, два стакана и смотритъ вдаль.*)

Дунькинъ мужъ.

Стыдно было прямо-то... спасибо!

Ивакинъ.

Павлинъ! Городъ-то... красота! Какъ яичница на сковородѣ... а?

Павлинъ.

Проведутъ желѣзную дорогу — все испортятъ...

Ивакинъ.

Чѣмъ испортятъ? Каркай!

Павлинъ.

Нашествіемъ чужихъ людей...

(*Входятъ въ садъ Веселкина и Дробязгинъ, садятся за столъ, пьютъ брагу и вполголоса разговариваютъ. Ивакинъ и Павлинъ уходятъ за уголъ.*)

Матвѣй.

Ты кто будешь?

Дунькинъ мужъ.

Мѣщанинъ... изъ города...

Матвѣй.

У васъ мѣщане богатые... а ты что?

Дунькинъ мужъ.

А я — ослабъ. Раззорила меня жена... жена, братъ... Сначала — ничего была... жили дружно... красивая она, бойкая... да. А потомъ — скучно, говоритъ, мнѣ. И начала вино пить и я съ ней тоже...

Матвѣй.

И ты?

Дунькинъ мужъ.

И я... что подѣлаешь? Въ распутство она ударилась... сталъ я тогда бить ее... да. А она — сбѣжала... Дочь была у меня... и дочь сбѣжала на пятнадцатомъ году... (*Замолчалъ, задумался.*)

Дробязгинъ (*громко*).

Это неправда, Марья Ивановна! Докторъ и Надежда Поликарповна... они оба люди романическіе.

Веселкина.

Т-ссъ! Тише!

Матвѣй.

Она тоже распутная?

Дунькинъ мужъ.

Кто?

Матвѣй.

Дочь?

Дунькинъ мужъ.

Нѣтъ... не знаю. Неизвѣстно мнѣ гдѣ она... Опять же мнѣ вотъ пьяному, кто-то внутренности отбилъ... нездоровъ я теперь, въ работу — негожусь... да и не умѣю ничего...

Матвѣй.

Ишь ты... какъ-же ты?

Дунькинъ мужъ.

Такъ ужъ... какъ придется...

Дробязгинъ (*вскакиваетъ*)

Марья Ивановна! Это удивительно... и даже ужасно! Вы совсѣмъ не вѣрите ни во что свѣтлое...

Веселкина.

Не кричать! Вы совсѣмъ безумный.

Дробязгинъ.

Нѣтъ! Чтобы Лидія Павловна... чтобы исправникъ...

Веселкина.

Сядьте вы . . .

Дунькинъ мужъ.

Сегодня инженеры прiѣдутъ . . .

Матвѣй.

Дорогу строить?

Дунькинъ мужъ.

Да . . . Дороги строятъ, а идти человѣку некуда . . .

Матвѣй.

Работа будетъ... а? Вотъ бы... поработать-бы! (*Въ саду является Павлинъ — онъ идетъ къ столу. Веселкина видитъ его.*)

Веселкина (*Негромко*)

Головастинковъ идетъ . . .

Дробязгинъ.

А, мудрецъ! Что скажете?

Павлинъ.

Желаю добраго здоровья . . .

Дробязгинъ.

Спасибо . . .

Павлинъ.

Сейчасъ черезъ рѣку городской голова переѣхалъ, сюда идетъ . . .

Веселкина.

Это онъ инженеровъ хочетъ встрѣтить ... скажите! Такой гордый старикъ ... (*Ивакинъ идетъ, отдуваясь.*)

Дробязгинъ.

Да ... Что, Иванъ Ивановичъ, жарко?

Ивакинъ (*смотритъ вдаль налѣво*)

Да-а ...

Павлинъ.

Это ваше нетерпѣніе увеличиваетъ жару ... Я вотъ никого не жду и потому жары не чувствую ...

Ивакинъ.

Докторъ идетъ ... акцизный ...

Веселкина.

Кого-жъ мы ждемъ? Намъ ждать некого ...

Павлинъ.

Я не про васъ — это вотъ онъ племянника ждетъ ...

Дробязгинъ.

Студента?

Ивакинъ.

Да ... Архипъ Притыкинъ съ ними ...

Веселкина.

Первый студентъ въ нашемъ городѣ ... Это очень интересно!

Дробязгинъ.

Не первый ужъ, Марья Ивановна! Статистикъ, который застрѣлился . . .

Веселкина.

Онъ не кончилъ учиться . . .

Павлинъ.

Да, его исключили вонъ за политическое поведеніе . . .

Ивакинъ (*грубовато*)

А застрѣлился онъ потому, что ты доносъ на него написалъ . . . а зачѣмъ это тебѣ понадобилось — пёсъ тебя знаетъ! (*Идетъ прочь.*)

Павлинъ (*вслѣдъ ему*)

Вредоносному всегда буду противорѣчить . . . Грубаго характера человѣкъ Иванъ Ивановичъ! И притомъ — несправедливъ. Мнѣ доподлинно извѣстно, что господинъ статистикъ Робинъ отъ безнадежности своей любви къ Надеждѣ Поликарповнѣ застрѣлился . . .

Дробязгинъ.

Почему это вамъ все извѣстно?

Павлинъ.

Потому что я внимателенъ . . .

(*Идутъ съ лѣвой стороны по дорогѣ Докторъ, Монаховъ и Притыкинъ. Дунькинъ мужъ незамѣтно исчезаетъ. Матвѣй встаетъ, кланяется.*)

Притыкинъ.

Нѣтъ, докторъ, вы меня извините, а какая пріятность въ томъ, чтобы рыбу удить, этого я не могу понять!

Докторъ.

Рыба — молчитъ . . .

Монаховъ.

Что вы, батя, вообще понимаете? Весьма немного . . . лѣтомъ — купаться, зимой — въ банѣ париться, — вотъ всѣ наши духовныя наслажденія . . .

(*Павлинъ отходитъ къ завалинкѣ и садиться поближе къ плетню.*)

Притыкинъ.

Тѣло человѣчье любитъ чистоту . . .

Дробязгинъ (*кричитъ*)

А мы уже здѣсь . . .

Докторъ (*остановился у плетня*)

Спросите браги, Дробязгинъ . . .

Дробязгинъ (*кричитъ*)

Ивакинъ! Давайте браги, похолоднѣе, побольше!

Притыкинъ.

Играя въ стуколку, пріятно обремизить человѣка . . .

Монаховъ.

Не спорю . . .

Притыкинъ.

Опять-же музыка . . . Когда трубачи дѣйствуютъ, я чувствую себя военнымъ.

Докторъ (*Монахову*)

Это онъ льститъ вамъ . . .

(*Дробязгинъ подходитъ къ плетню и стоитъ слушая. Замѣтно, что ему хочется вступить въ разговоръ, но онъ не успѣваетъ въ этомъ. Веселкина отходитъ въ глубь сада, смотритъ на городъ, тихо напѣвая.*)

Притыкинъ.

Какая мнѣ въ этомъ польза? А что обучивъ пожарныхъ музыкальному дѣлу Маврикій Осиповичъ предъ всѣмъ городомъ славу заслужилъ на вѣки — или это не вѣрно?

Монаховъ.

Н-да! Могу сказать — потрудился я съ ними! Вѣдь не люди — моржи . . .

Притыкинъ.

Я теперь, Маврикій Осиповичъ, даже на самоваръ глядя — васъ вспоминаю.

Докторъ.

Развѣ онъ похожъ на самоваръ?

(*Дробязгинъ смѣется.*)

Притыкинъ.

Нисколько! Я хочу сказать, что все мѣдное напоминаетъ мнѣ про васъ . . .

Докторъ.

Онъ васъ изувѣчитъ похвалами . . .

Притыкинъ.

Т. е. про ваши труды въ музыкѣ...

Монаховъ.

Что это вы, батя, такъ сладко поете, а?
(*Ивакинъ принесъ брагу, идетъ къ плетню.*)

Притыкинъ.

Если я и пою, то какъ жаворонокъ, безо всякой корысти... А что докторъ насмѣхается, такъ онъ лицо мрачнаго характера и кромѣ рыбы — ничего не любитъ...

Монаховъ.

А дамы наши видно устали — вонъ едва идутъ...

Дробязгинъ.

Татьянѣ Николаевнѣ всѣхъ труднѣе при ихъ полнотѣ и годахъ...

Ивакинъ.

Пожалуйте брагу кушать...

Докторъ.

Ну, кругомъ я не пойду... (*Шагаетъ черезъ плетень.*)

Монаховъ.

А Лидія Павловна въ нашей компаніи интереса не чувствуетъ...

Дробязгинъ.

Дама свѣтская... гордаго образца жизни...

Притыкинъ.

Хорошо она на лошади скачетъ...

Монаховъ.

Н-да-а! Это, батя, она умѣетъ...

Притыкинъ.

Вотъ о пріятномъ говоря — женскій полъ забыли мы, а что можетъ быть пріятнѣе? Я, конечно, не про супругу мою говорю...

Монаховъ (*смѣясь*)

Идемте, Фомичъ, брагу пить... (*Идутъ вдоль плетня.*)

Притыкинъ.

Однако, времени не мало, пора-бы ужъ почтѣ быть... Посмотримъ каковы они, строители-то...

Монаховъ.

Н-да, интересно... Картежники, навѣрно...

Притыкинъ.

И выпить любятъ, я полагаю... а? (*Уходитъ.*)

(*Дунькинъ Мужъ является.*)

Матвѣй.

Это они инженеровъ встрѣчать собрались?

Дунькинъ Мужъ.

На ярмарку ходили въ село... для прогулки. Но, конечно, которые люди съ деньгами они всякому нужны...

(*Съ правой стороны является Лидія Павловна въ амазонкѣ съ хлыстомъ.*)

Лидія Павловна.

Послушайте — будьте добры подержать мою лошадь, я вамъ заплачу . . .

Матвѣй.

Ладно . . . я могу . . .

Лидія Павловна.

Пожалуйста . . . (*Уходитъ направо.*)

Матвѣй.

Эхъ ты . . . какая!

Дунькинъ Мужъ.

Вотъ . . . кабы тебя не было — пришлось бы за лошадью мнѣ смотрѣть . . . эхъ! Ежели она много дастъ — дай ты мнѣ хоть пятакъ, а?

Матвѣй.

А, можетъ, она всего пятакъ дастъ?

(*Уходятъ оба направо. Въ саду разговариваютъ Докторъ и Павлинъ.*)

Докторъ (*угрюмо*)

Сочиняютъ — въ молодости . . .

Павлинъ (*вставая*)

Осмѣлюсь заявить — святые отцы и въ преклонномъ возрастѣ сочиняли . . .

Докторъ.

Ну-съ?

Павлинъ.

Больше ничего-съ . . .

(*Идутъ Притыкина и Монахова, сзади нихъ Богаевская.*)

Монахова.

Когда онъ говоритъ ей: Алиса! Моя любовь не умретъ раньше меня, а пока я живъ — я твой!

Притыкина.

Вонъ какъ! Наши мужчины и словъ такихъ не знаютъ . . .

Монахова (*садится на бревно*).

Французъ невѣренъ, но любитъ страстно и благородно . . . Испанецъ въ любви доходитъ даже до свирѣпости, а влюбленный итальянецъ обязательно ночью на гитарѣ играетъ подъ окномъ той женщины, въ которую влюбленъ.

Богаевская.

Напрасно тебя, Надежда Поликарповна, грамотѣ выучили!

Монахова.

Вы, Татьяна Николаевна, въ такомъ возрастѣ, когда все это уже совсѣмъ не интересно, а я . . .

Богаевская.

А ты — только языкъ чешешь . . .

Монахова (*серьезно*)

Подождите . . .

Притыкина.

А я вамъ завидую, милая вы моя . . . Сколько вы любовныхъ исторій знаете и какія все хорошія исторіи! Какъ сны дѣвичьи . . . Гдѣ же мой Архипъ?

Богаевская.

Лидочкина лошадь стоитъ . . .

Монахова.

Познакомьте меня съ ней . . .

Богаевская.

Съ лошадью?

Монахова (*серьезно*)

Нѣтъ, съ Лидіей Павловной . . .

Богаевская.

Вотъ ты, душа моя, тысячи романовъ прочитала, а правильно спросить не умѣешь . . . въ смѣшное положеніе ставишь себя . . . да!

Монахова (*спокойно*)

Ничего . . . Всякъ по своему уменъ.

Богаевская (*кричитъ и идетъ направо*)

Лидуша!

Притыкина (*не громко*)

Какъ она груба съ вами . . . ай-ай!

Монахова (*спокойно*)

Дворяне съ простыми людьми всегда такъ говорятъ. — И даже въ романахъ, гдѣ все описывается лучше правды — дворяне — дерзкіе . . . Смотрите — какая она красавица! (*Богаевская, за ней Лидія.*)

Богаевская.

Вотъ, Лидуша, Надежда Поликарповна проситъ познакомить ее съ тобой . . . Видишь, даже присѣдать умѣетъ . . . (*Докторъ подходитъ.*)

Монахова.

Я васъ знаю . . . вы каждый день мимо нашего дома на лошади скачете . . . А я смотрю и любуюсь — точно вы графиня или маркиза . . . Очень красиво это!

Лидія.

Я часто вижу ваше лицо въ окнѣ и тоже любуюсь имъ . . .

Монахова.

Благодарю васъ! Похвалу красотѣ своей и отъ женщины слышать пріятно . . .

Богаевская.

Ишь ты!

Докторъ.

Отъ женщины пріятнѣе или отъ мужчины?

Монахова.

Какъ слѣдуетъ оцѣнитъ красоту, конечно, только мужчина . . .

Лидія.

Какъ вы . . . увѣренно сказали это . . .

Притыкинъ (*кричитъ*)

Господа! Ѣдутъ! Чу! (*Всѣ прислушиваются, звонъ бубенцовъ.*)

Монахова (*Лидіи*)

Вамъ интересно знать какіе они?

Лидія.

Кто? Тетя, намъ пора идти.

Монахова.

Инженеры . . .

Притыкинъ (*выбѣгаетъ*)

Сейчасъ пріѣдутъ!

Лидія (*Монаховой*)

Нѣтъ . . .

Богаевская.

Устала я, Лидуша . . . подожди!

Монахова.

А я жду ихъ, какъ праздника . . .

Притыкина.

И вдругъ — они старые!

Лидія (*теткѣ не громко*)

Это похоже на торжественную встрѣчу и — смѣшно . . .

Богаевская.

Идемъ въ садъ . . . я только выпью чего нибудь . . . Идемте въ садъ! (*Всѣ идутъ за нею.*)

Притыкинъ.

Пріѣхали . . . а, докторъ? Интересно!

Докторъ (*угрюмо*)

Почему? Вотъ если-бы они пѣшкомъ пришли... ну, это туда-сюда!

Монахова.

Какія глупости!

Богаевская.

Она хотѣла-бы видѣть ихъ верхами, въ латахъ, въ плащахъ...

(*Уходятъ всѣ направо, ихъ медленный говоръ заглушаетъ звонъ бубенцовъ. Справа медленно идетъ, заложивъ руки за спину, Рѣдозубовъ, сѣдой, суровый старикъ съ черными лохматыми бровями. Останавливается, слушая шумъ на станціи. Является Павлинъ, издали снимая картузъ.*)

Рѣдозубовъ.

Здорово... ну?

Павлинъ.

О вашемъ драгоцѣнномъ здравіи что услышу пріятнаго?

Рѣдозубовъ.

У доктора спроси. Пріѣхали? Они?

Павлинъ.

Именно — всѣми ожидаемые инженеры, одинъ пожилой, бритый, съ усами и какъ-бы уже нѣсколько хмеленъ... другой — помоложе и весьма рыжеватъ. При нихъ дама — молодая, красивая и прислуга съ нею — дѣвица франтоватая. Въ двухъ экипажахъ ѣхали, а третій съ вещами и со студентомъ, племянникомъ Ивакина...

Рѣдозубовъ.

А онъ какъ... съ ними?

Павлинъ.

Видимо по бѣдности состоянія приспособился изъ милости...

Рѣдозубовъ.

Лошадь — Богаевской?

Павлинъ.

Ихняя. Она въ Фокино ѣздила на прогулку... А теперь — у Дарьи Ивакиной туалетъ оправляетъ... Дарья-то вѣдь у нихъ долго въ горничныхъ жила... а мать ея ихъ же ключница...

Рѣдозубовъ (*угрюмо усмѣхаясь*)

Про бабушку ничего не знаешь?

Павлинъ.

Не припомню... (*Притыкинъ идетъ.*)

Притыкинъ.

Мое почтеніе, Василій Ивановичъ!

Рѣдозубовъ (*не давая руки*)

Здравствуй...

Притыкинъ.

Гостей встрѣтить пожелали?

Рѣдозубовъ.

На что они мнѣ?

Притыкинъ.

Вообще. Люди городу полезные.

Рѣдозубовъ (*идетъ къ станціи*)

Ну, пускай городъ и встрѣчаетъ...

Притыкинъ (*не громко*)

Вретъ?

Павлинъ.

Врутъ. О подрядѣ на шпалы мечтаютъ...

Притыкинъ.

Ишь, старый чертъ! Ты, Павлинъ, познакомься съ прислугой ихней и разузнай... вообще... какъ и что... понялъ?

Павлинъ.

Понялъ...

(*Оба идутъ къ станціи. Въ саду являются Ивакинъ обрадованный и Степанъ Лукинъ.*)

Степанъ.

Ну, какъ живешь?

Ивакинъ.

Видишь — здоровъ... а еще чего-же надо? А ты — желтоватъ... эхъ ты! Брандахлыстъ... Зачѣмъ въ тюрьмѣ сидѣлъ?

Степанъ.

Безъ этого — нельзя. Это, братъ, теперь всеобщая повинность, вродѣ воинской... А впрочемъ — пустяки... и ты объ этомъ не говори, братъ, — ладно?

Ивакинъ.

Тоже, братъ! Я тебѣ не братъ, а дядя...

Степанъ.

Ну, вотъ еще! Какой ты дядя? Просто ты — другъ моего дѣтства... Ты смотри — у меня въ нѣкоторомъ родѣ борода и грива, а у тебя еще волосы не отросли...

Ивакинъ.

Ну — ну! Пей брагу — то... а старшихъ почитай... (*Притыкинъ выбѣгаетъ, оглядывается.*) Вы чего Архипъ Фомичъ?

Притыкинъ.

Да вотъ... ей, парень, поди сюда!

Матвѣй.

Чего?

Притыкинъ.

Ты меня знаешь? Бѣги въ городъ ко мнѣ, скажи, чтобы лошадей подали къ перевозу и пролетку, и бричку, и телѣгу еще для багажа — понялъ? Катай! (*Бѣжитъ къ станціи.*)

Матвѣй (*скрываясь*)

Землячокъ, гляди за лошадью...

Ивакинъ.

Завертѣлся городъ Верхополье!

Степанъ.

Что у васъ съ мостомъ?

Ивакинъ.

Дождь шелъ, ну и сорвало... а голова чинить не торопится, перевозъ-то въ его рукахъ... Ты знакомъ съ инженерами-то?

Степанъ.

Служить у нихъ буду... А какъ твои пчелы? Гитара? Удочки?

Ивакинъ.

Все въ порядкѣ... (*Идутъ Докторъ, Монаховъ, Дробязгинъ, Веселкина. Ивакинъ и Степанъ уходятъ изъ сада. На мѣсто ихъ является Павлинъ; постоявъ, исчезаетъ и снова появляется во время разговора Цыганова съ Дунькинымъ мужемъ.*)

Монаховъ (*съ завистью*)

А Притыкинъ живо познакомился, шельма!

Веселкина.

Докторъ, — вы замѣтили, какой этотъ молодой... точно факелъ!

Докторъ.

Ну, гдѣ вы видѣли факелы?

Веселкина.

А на похоронахъ... помните — князя Хрящеватаго хоронили?

Дробязгинъ.

Какіе у нея глаза! Маврикій Осиповичъ, вы обратили вниманіе?

Веселкина.

Глупости! Глаза вполнѣ обыкновенные...

Дробязгинъ.

Вовсе нѣтъ! Замѣчательно поэтическіе...

Монаховъ.

При одной дамѣ невѣжливо говорить о красотѣ другой дамы... вотъ что!

Докторъ.

Противно. Бросились всѣ... какъ осеннія мухи на огонь...

Притыкинъ (*кричитъ*)

Докторъ! Пожалуйте сюда...

Докторъ.

Зачѣмъ это?

Притыкинъ.

По спеціальности... нужно...

Докторъ (*идетъ*)

Ерунда...

Монаховъ (*съ завистью*)

Вотъ и вы, батя, познакомитесь...

(*Веселкина идетъ вслѣдъ за докторомъ, навстрѣчу ей — Цыгановъ, изящно одѣтый баринъ, немного хмельной. Она смущается и почему-то рѣзко отворачивается отъ него. Цыгановъ вопросительно поднялъ брови — Дробязгинъ кланяется ему.*)

Цыгановъ (*дотрагиваясь до шляпы*)

Мое почтеніе... съ кѣмъ имѣю честь?

Дробязгинъ (*смущенъ*)

Порфирій... т. е. почтово-телеграфный Порфирій Дробязгинъ... чиновникъ-съ!

Цыгановъ.

А-а! Очень пріятно... Скажите — въ этомъ городѣ гостинница есть?

Дробязгинъ.

Есть... съ билліардомъ! Прогимназія есть... женская...

Цыгановъ.

Прогимназія? Благодарю васъ — это мнѣ не такъ необходимо... А извозчики есть?

Дробязгинъ.

Три! Около церкви стоятъ.

Цыгановъ (*смотритъ на городъ*)

Не услышатъ, если позвать?

Дробязгинъ (*улыбаясь*)

Гдѣ же-съ! Тутъ — разстояніе...

Дунькинъ мужъ (*съ лѣвой стороны*)

Ваше благородіе! Помогите больному и несчастному...

Цыгановъ (*доставая монету*)

Пожалуйста... извольте!

Дунькинъ мужъ (*вздрагивая отъ радости*)

Дай вамъ, Господи... пошли вамъ... (*захлебнулся и исчезаетъ.*)

Цыгановъ.

Пьетъ?

Дробязгинъ.

Нѣтъ. Дѣйствительно несчастный... боленъ и... вообще... жена у него сбѣжала...

Монаховъ (*подходя*)

Извините, что смѣю...

Цыгановъ.

Пожалуйста...

Монаховъ.

Маврикій Осиповичъ Монаховъ, акцизный надзиратель...

Цыгановъ.

Весьма польщенъ... Сергѣй Николаевичъ Цыгановъ...

Монаховъ.

Гостинница — грязная, позволю сообщить вамъ, и въ ней клопы...

Дробязгинъ.

Несомнѣнные... и — множество!

Монаховъ.

Вамъ надо снять домъ Богаевской... лучшій домъ въ городѣ, знаете такой — барскій! Кстати

она здѣсь еще, кажется... я вамъ сейчасъ устрою это... (*Быстро идетъ, на встрѣчу ему Анна Федоровна и Степа.*)

Цыгановъ.

Но позвольте... вы такъ любезны... послушайте!

Дробязгинъ (*срываясь съ мѣста*)

Сейчасъ я его ворочу...

Цыгановъ.

Да нѣтъ-же! Это неловко... Убѣжалъ!

Анна.

Что такое?

Цыгановъ.

Они здѣсь любезны... какъ истинные дикари! Могу васъ поздравить — въ городѣ нѣтъ гостинницъ... т. е.. гостинница есть, но она — занята клопами.

Анна.

И трудно попасть въ этотъ городъ... что-то случилось съ паромомъ...

Цыгановъ (*манитъ пальцемъ*)

Послушайте. Подите сюда! (*Является Дунькинъ мужъ.*) Скажите — есть въ вашемъ городѣ что нибудь... замѣчательное?

Дунькинъ мужъ.

Раки-съ... агромадные раки! (*Степа пристально всматривается въ него*).

Цыгановъ.

Это не дурно... иногда. Но вѣдь они, вѣроятно, въ рѣкѣ живутъ, а не въ городѣ?

Дунькинъ мужъ.

Да... въ рѣкѣ. Живые — они въ водѣ.

Степа (*тихо*)

Анна Федоровна... вотъ онъ!

Анна.

Кто?

Степа.

Отецъ мой... отецъ... какъ-же быть?

Цыгановъ.

А что-же есть въ городѣ?...

Дунькинъ мужъ.

Пожарные играютъ на трубахъ... на мѣдныхъ трубахъ... акцизный научилъ!

Анна.

Молчите... встаньте сзади меня...

Цыгановъ.

Громко играютъ?

Дунькинъ мужъ.

Во весь духъ!

Степа.

Я уйду туда... на станцію... онъ не видѣлъ меня...

Цыгановъ.

Это меня не утѣшаетъ... нѣтъ! Ну, благодарю васъ... возьмите себѣ вотъ это...

Дунькинъ мужъ.

Ваше высокородіе... (*Хочетъ поцѣловать руку.*)

Цыгановъ (*брезгливо*)

Это лишнее, мой другъ... идите!

Степа (*глядя вслѣдъ отцу*)

Нищій... Я говорила вамъ, что встрѣчу его... что мнѣ нельзя сюда ѣхать... я говорила!

Анна.

Вы успокойтесь! Я все устрою для того, чтобы онъ не трогалъ васъ...

Степа.

Я боюсь... онъ замучилъ мать... нищій!

Цыгановъ.

Въ чемъ дѣло — можно спросить?

Анна.

Это ея отецъ...

Цыгановъ.

О-о! Это оригинально...

Анна.

Только? Идите, Степа, на станцію...

Цыгановъ.

Мы не дадимъ васъ въ обиду...

Черкунъ
(*кричитъ не показываясь*)

Анна! Иди сюда... Анна!

Цыгановъ
(*смотритъ по направленію голоса*)

Съ кѣмъ онъ говоритъ? Позвольте... чортъ меня побери! Не можетъ быть...

Анна (*идя на зовъ*)

Что съ вами?

Цыгановъ
(*радостно простирая руки*)

Лидія Павловна, это вы? Вы!

Лидія (*идетъ на встрѣчу*)

Дядя Сержъ!

Цыгановъ.

Вы! Здѣсь, въ этой Огненной землѣ, у дикарей! Почему?

(*Въ саду Веселкина. Она гуляетъ, обмахивая лицо цвѣтами. Потомъ приходитъ Дроблягинъ и они ходятъ рядомъ, прислушиваясь къ разговору.*)

Лидія.

Я пріѣхала къ теткѣ... рада видѣть васъ Но вы, какъ всегда...

Цыгановъ.

Таковъ мой рокъ! Первое знакомство на этой землѣ — акцизный!

Лидія.

Дама — ваша жена?

Цыгановъ.

Моя? У меня не было и не будетъ собственности... А гдѣ-же вашъ почтеннѣйшій супругъ...

Лидія.

Не знаю право... это меня интересуетъ меньше всего...

Цыгановъ.

Понять-ли вашъ отвѣтъ... браво! Вы разошлись наконецъ? Да?

Веселкина
(*слышала восклицаніе Цыганова*)

Ну-съ? Чья правда?

Дробязгинъ (*смущенно ежится*)

Лидія.

Не надо шумѣть...

Цыгановъ.

Вы уже познакомились съ моимъ товарищемъ?... Жоржъ иди сюда... Это мужчина интенсивно рыжій и очень дерзкій... Ты знаешь, кто это, Жоржъ? Ты помнишь, я говорилъ тебѣ всегда и много о женщинѣ...

Черкунъ (*пожимая руку*)

Да, помню... Дѣйствительно онъ часто говорилъ о васъ...

Лидія.

Это меня трогаетъ...

Черкунъ.

Но я не ждалъ, что встрѣчу васъ когда нибудь... тѣмъ болѣе въ этой области мертваго унынія...

Лидія.

Вамъ не нравится городъ?

Черкунъ.

Я не люблю пасторалей.

Цыгановъ.

Онъ любитъ только скандалы...

(Въ саду является Надежда. Стоитъ и упорно смотритъ на Черкуна. Неподвижна, какъ статуя, лицо у нея каменное.)

Черкунъ.

Маленькіе домики прячутся въ деревьяхъ, точно птичьи гнѣзда... это до тоски спокойно... и до отвращенія мило...

Цыгановъ.

Ты познакомь ее съ женой...

Черкунъ.

Ахъ, да! Вы позволите?

Лидія.

Пожалуйста... Но какъ вы... рѣзко отнеслись къ бѣдному городу...

Цыгановъ.

Теперь-то, я знаю, вы оцѣните нѣжность моей души и всѣ другія мои достоинства...

Черкунъ.

Все, что я вижу — сразу нравится или не нравится мнѣ...

Цыгановъ.

У него никакихъ достоинствъ!

Лидія.

Человѣкъ изъ однихъ недостатковъ — это ужъ нѣчто опредѣленное...

Цыгановъ (*замѣтилъ Монахову*)

Гм... Да познакомь же ее съ твоей женой, Жоржъ!

Черкунъ.

Анна! Вотъ ей, вѣроятно, нравится эта скромная картина... она у меня любитъ покой, тишину, любитъ мечтать...

Лидія.

Многіе видятъ въ этомъ поэзію...

Черкунъ.

Трусы, лѣнтяи, усталые...

Цыгановъ.

Кто эта почтенная матрона, съ которой идетъ сюда твоя жена?

Лидія.

Это моя тетя...

Черкунъ.

Знакомься, Анна.

Богаевская.

Вотъ, Лидуша, представляю — они сняли у меня большой домъ. Славно, а?

Анна.

Я очень рада... что все устроилось такъ быстро и хорошо.

Цыгановъ.

Да здравствуетъ акцизный надзиратель! Это онъ — виновникъ торжества.

Лидія.

Тише — въ саду его жена...

Цыгановъ.

Это его жена?... Гм...

Анна.

Но я такъ устала... хотѣлось бы скорѣе пріѣхать куда нибудь...

Богаевская.

Сейчасъ подадутъ паромъ.... (*Надежда медленно уходитъ.*)

Черкунъ.

А на берегу — насъ уже дожидаются лошади этого купца... какъ его?

Богаевская.

Притыкинъ... Лидуша, я поѣду въ лодкѣ... распоряжусь тамъ... надо для нихъ...

Анна.

О, не безпокойтесь...

Черкунъ.

Зачѣмъ же вы будете для насъ трудиться? Мы не безпомощны...

Лидія (*теткѣ*)

Подожди! (*Аннѣ*) Вы ѣздите верхомъ?

Анна.

О, нѣтъ!

Лидія.

Жаль. Я хотѣла предложить вамъ мою лошадь... Тамъ, выше, по рѣкѣ, есть бродъ...

Анна.

Благодарю васъ... Я боюсь лошадей... Я видѣла однажды, какъ лошадь убила мальчика... Съ той поры мнѣ кажется, что всякая лошадь хочетъ убить человѣка...

Лидія (*улыбаясь*)

Но въ экипажахъ вы вѣдь ѣздите? Не боитесь?

Анна.

Нѣтъ, не такъ. Тамъ впереди меня сидитъ кучеръ или извозчикъ.

Черкунъ.

Можетъ быть это очень трогательно, Анна, но, ей Богу... не остроумно!

Цыгановъ (*Лидіи*)

Нѣтъ какъ я радъ!

Анна.

Я вовсе не пытаюсь быть остроумной...

Цыгановъ.

Снова вижу васъ!...

Черкунъ.

Иногда слѣдуетъ попытаться, знаешь ли!

Цыгановъ.

Вѣдь это почти чудо, а?

Лидія.

А можетъ быть это только доказательство какъ тѣсна жизнь?

Богаевская (*Аннѣ*)

Вы посмотрите какой нарядный городишко... (*Отводитъ Анну ближе къ плетню.*)

Цыгановъ.

Вы стали еще красивѣе... И что-то новое явилось у васъ въ глазахъ...

Лидія.

Вѣроятно это скука...

Черкунъ.

Вамъ скучно?...

Лидія.

Мнѣ кажется, жизнь вообще не очень весела. (*Идетъ Рѣдозубовъ со стороны станціи. Подходитъ, останавливается, кашляетъ. Его не замѣчаютъ. Поднимаетъ руку къ фуражкѣ — быстро опускаетъ ее, какъ-бы испугавшись, что это движеніе замѣчено.*)

Черкунъ.

Не ожидалъ, что вы такъ скажете...

Лидія.

Почему?

Черкунъ.

Не знаю... Но мнѣ казалось — вы иначе должны смотрѣть на жизнь...

Лидія.

Что такое жизнь? — Люди. Я много видѣла людей — они однообразны...

Рѣдозубовъ.

Я — здѣшній градской голова... Василій Ивановъ Рѣдозубовъ... голова.

Черкунъ (*холодно*)

Что-же вамъ угодно?

Рѣдозубовъ.

Я къ старшему. Вы — начальникъ?

Цыгановъ.

Мы оба начальники, — можете это представить?

Рѣдозубовъ.

Все равно. Вамъ лѣсъ на шпалы понадобится?

Черкунъ (*сухо*)

Милѣйшій — о дѣлахъ я буду говорить черезъ недѣлю, не раньше... (*Пауза*).

Рѣдозубовъ (*удивленъ*)

Вы... можетъ не того...

Черкунъ.

Что?

Рѣдозубовъ.

Я сказалъ... я, молъ, голова здѣшній...

Черкунъ.

Я это слышалъ... ну-съ?

Рѣдозубовъ (*сдерживая гнѣвъ*)

Мнѣ 63 года... я староста церковный... весь городъ мнѣ подчиненъ...

Черкунъ.

Почему вы думаете, что мнѣ нужно знать все это?

Цыгановъ.

Почтеннѣйшій! Когда мы нѣсколько придемъ въ себя — мы обязательно примемъ во вниманіе всѣ ваши рѣдкія качества...

Черкунъ.

А пока оставьте насъ въ покоѣ. Когда будетъ нужно — мы васъ позовемъ!

(*Рѣдозубовъ, смѣривъ Черкуна гнѣвнымъ взглядомъ, молча идетъ прочь.*)

Анна.

Зачѣмъ ты... такъ обидно, Егоръ? Онъ-же старый...

Черкунъ.

Нахалъ! Я знаю такихъ... Это не голова, а — пасть... глупая и жадная пасть... я знаю...

Цыгановъ (*Лидіи*)

Какъ вамъ нравится этотъ рыжій буянъ?

Лидія (*сухо*)

По совѣсти — не очень.

Богаевская.

Лида, нужно идти...

Анна.

Мой мужъ всегда немного рѣзокъ... но въ сущности...

Черкунъ.

Онъ мягокъ и добръ — ты это хотѣла сказать? Не вѣрьте ей... Я именно таковъ, какимъ кажусь....

Лидія.

До свиданья... Ой... Этотъ человѣкъ не умѣетъ обращаться съ лошадью...

(*Быстро идетъ направо, за ней Богаевская.*)

Богаевская.

Такъ мы васъ ждемъ...

Цыгановъ.

Благодаримъ и не замедлимъ...

Анна.

А гдѣ этотъ студентъ... нашъ студентъ?

Черкунъ (*смотритъ на городъ*)

Не знаю...

Анна.

Можно его попросить, чтобы онъ посмотрѣлъ за вещами, какъ ты думаешь? Степѣ — неудобно...

Черкунъ.

Онъ — не лакей...

Цыгановъ.

Жоржъ! Ты смотришь на этотъ городъ какъ Атилла на Римъ... до чего все измельчало на свѣтѣ! Мнѣ хочется выпить чего-то.

Черкунъ.

У этой женщины были любовники?

Цыгановъ.

Однако, братъ... это вопросъ!

Анна.

Егоръ! Фи!

Черкунъ.

Что? Ты шокирована? Ты не знаешь, что многія женщины имѣютъ любовниковъ?

Анна.

Объ этомъ не говорятъ такъ...

Черкунъ.

Они не говорятъ, я — говорю. Это безнравственно?

Анна.

Неприлично... и... грубо...

Черкунъ.

Я думалъ — безнравственно. Были, Сергѣй?

Цыгановъ.

Не знаю, мой другъ. Не допускаю... И если мнѣ скажутъ про нее что-нибудь... въ этомъ родѣ — не повѣрю...
(*Идутъ Притыкинъ, Матвѣй, за ними Дунькинъ мужъ.*)

Притыкинъ.

Пожалуйте, готово! Вещи ваши внесетъ на паромъ вотъ этотъ парень со сторожемъ... прошу покорно!

Цыгановъ.

Благодарю васъ! Захлопотались вы, а?

Притыкинъ.

Помилуйте!... Пустякъ... къ тому же долгъ гостепріимства...

Цыгановъ.

Вы — милѣйшій человѣкъ, право! А скажите — что у васъ здѣсь пьютъ?

Притыкинъ.

Все!

Цыгановъ.

А что предпочитаютъ пить?

Притыкинъ.

Водку...

Цыгановъ.

Вкусъ — грубый, но — здоровый... (*Проходятъ.*)

Черкунъ (*Аннѣ*)

Идемъ...

Анна (*беретъ его подъ руку*)

Почему ты вдругъ сталъ такой... сумрачный? Скажи!

Черкунъ.

Я усталъ...

Анна.

Это неправда... ты никогда не устаешь...

Черкунъ.

Ну, такъ влюбился...

Анна (*тихо*)

Зачѣмъ такъ грубо, Егоръ? Зачѣмъ?

Дунькинъ мужъ (*подходитъ*)

Ваше сіятельство...

Черкунъ.

Пошелъ прочь...

Анна (*даетъ монету*)

Возьмите... (*Уходятъ.*)

Матвѣй (*выскакиваетъ*)

Сколько дала?

Дунькинъ мужъ.

Двугривенный. А всего мнѣ попало рубль двадцать...

Матвѣй.

Эхъ ты... А мнѣ — два пятака...

Притыкинъ (*кричитъ*)

Эй, парень!

Матвѣй.

Бѣгу...
(*Убѣгаетъ. Черезъ плетень лѣзетъ Павлинъ.*)

Павлинъ.

Рубль двадцать, говоришь?

Дунькинъ мужъ (*робко*)

Рубль двадцать.

Павлинъ.

Покажи-ка... Н-да, вѣрно... А за что? а? На, паршивецъ! Ступай... Стой! Сказалъ бы я тебѣ одну штучку... сказать?

Дунькинъ мужъ.

Помилуйте Павлинъ Савельичъ.... (*Рѣдозубовъ идетъ.*)

Павлинъ (*строго*)

Иди, иди! Чего трешься тутъ?

Рѣдозубовъ.

Ушли?

Павлинъ.

Ушли...

Рѣдозубовъ.

Съ дѣвицей ихней о чемъ говорилъ?

Павлинъ.

Вообще... но ничего не могъ... Я даже рубль ей далъ.

Рѣдозубовъ.

Зачѣмъ? — она можетъ сказать, что подкупалъ ты ее...

Павлинъ.

Я — мысленно далъ, Василій Ивановичъ... Я только подумалъ — если я ей дамъ рубль? Я рѣшилъ — не поможетъ! Избалованная дѣвица... (*Рѣдозубовъ смотритъ на городъ, не слушая*) Василій Ивановичъ! А вѣдь она — бѣглая, Дунькина мужа дочь... сама въ этомъ созналась...

Рѣдозубовъ (*вдругъ строго*)

А ты... знаешь, что мнѣ самъ губернаторъ руку подаетъ?

Павлинъ (*благоговѣйно*)

Какъ-же не знать! Это всѣ знаютъ...

(*Пауза. Изъ окна доносится голосъ Степана.*)

Рѣдозубовъ (*не громко*)

Кто это говоритъ?

Павлинъ (*тихо*)

Ивакина племянникъ... студентъ...

Рѣдозубовъ (*такъ же*)

Молчи...

(*Слушаютъ. Гдѣ-то жалобно воетъ собака, дергаетъ коростель.*)

Степанъ.

Вотъ построимъ новую дорогу и разрушимъ вашу старую жизнь... (*смѣется*).

Рѣдозубовъ (*негромко*)

Слышалъ?

Павлинъ (*убѣжденно*)

Вретъ онъ...

Рѣдозубовъ.

Помни!

(*Идетъ прочь, Павлинъ за нимъ.*)

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ Богаевской. На деревьяхъ растянута парусина, подъ ней простой некрашеный столъ, очень большой, за столомъ Черкунъ, передъ нимъ ворохъ бумагъ, карты, чертежи. Домъ — съ лѣвой стороны, къ нему ведетъ широкая дорожка, въ глубинѣ сада заборъ. Подъ деревьями налѣво, въ плетеномъ креслѣ, сидитъ Анна съ книгой въ рукахъ.

Анна (*потягиваясь*)

Тебѣ жарко?

Черкунъ.

Конечно.

Анна.

А Сергѣя Николаевича все нѣтъ... Ты всегда больше работаешь — и всегда ты вмѣстѣ съ нимъ. Почему?

Черкунъ.

Онъ имѣетъ то, чего у меня мало — опытъ, знанія...

Анна.

Но онъ такой... распущенный.

Черкунъ.

Знанія цѣннѣе нравственности... (*Пауза.*)

Анна.

Какіе любопытные всѣ здѣсь. Подсматриваютъ за нами... слѣдятъ... Наивные люди...

Черкунъ.

Говоря проще — идіоты...

Анна.

Вотъ и теперь въ сосѣднемъ саду кто-то ходитъ вдоль забора и смотритъ въ щели. Я вижу какъ блестятъ глаза.

Черкунъ.

Чортъ съ ними... пускай блестятъ...

Степанъ (*идетъ*)

Ну-съ, нанялъ я этого Матвѣя Гогина, вотъ его паспортъ...

Анна.

Дайте мнѣ...

Черкунъ.

Не давайте: она сунетъ его куда нибудь и потомъ будетъ спрашивать у меня, куда сунула... Это не очень забавно...

Степанъ.

Ну люди здѣсь! Удивительная дичь! Смотришь на нихъ и начинаешь сомнѣваться въ будущности Россіи... А какъ подумаешь сколько тысячъ селъ и городовъ населено такими личностями — душой овладѣваетъ пессимизмъ во сто лошадиныхъ силъ...

Черкунъ.

Пессимизмъ для рабочаго человѣка — излишенъ, какъ бѣлыя перчатки. Что, каковъ этотъ Матвѣй?

Степанъ.

Кажется не очень глупъ... Вотъ онъ самъ идетъ. Я вамъ не нуженъ? (*Матвѣй подошелъ. Одѣтъ чище, чѣмъ въ первомъ актѣ*).

Черкунъ.

Нѣтъ! (*Матвѣю*) Ну-съ, что скажете...

Матвѣй.

Хочу поблагодарить васъ, баринъ, за то, что взяли меня...

Черкунъ.

Меня зовутъ Егоръ Петровъ, я такъ же, какъ и вы, крестьянинъ, а не баринъ. Благодарить намъ другъ друга не за что, вы будете работать, я буду платить вамъ деньги. А если вы вздумаете жульничать — я васъ прогоню и отдамъ подъ судъ... Это понятно?

Матвѣй.

Понялъ. Ужъ постараюсь вамъ...

Черкунъ.

Увидимъ... Идите...

Матвѣй (*подумалъ, помялся*)

Покорно благодарю...

Черкунъ (*взглянувъ на него*)

Все таки?

Матвѣй.

Чего-съ?

Черкунъ.

Ничего! Ступайте... (*Пауза*).

Анна.

Какъ ты требовательно относишься къ людямъ, Егоръ...

Черкунъ.

Такъ они относились ко мнѣ... (*Пауза*).

Анна.

Тебѣ нравится Татьяна Николаевна?

Черкунъ.

Ея племянница — больше.

Анна.

Зачѣмъ ты дразнишь меня!

Черкунъ.

Зачѣмъ позволяешь? Протестуй...

(*На заборѣ показывается голова Гриши Рѣдозубова.*)

Анна.

Смотри, Егоръ! Смотри...

Черкунъ.

Вамъ что нужно?

Гриша (*улыбаясь*)

Ничего. Я такъ... изъ любопытства только...

Черкунъ.

Вы кто?

Гриша.

Рѣдозубовъ... сосѣдъ вашъ...

Анна.

Какъ онъ добродушно улыбается! Ты предложи ему, пусть идетъ сюда...

Черкунъ.

Ну... идите же къ намъ! Познакомимся что ли...

Гриша.

Мнѣ тутъ не перелѣзть... я толстый...

Анна (*смѣясь*)

А вы идите черезъ ворота...

Гриша.

Мы... улицей, значитъ? Ладно...
(*Исчезаетъ. Идетъ Цыгановъ.*)

Анна.

Какой смѣшной!

Черкунъ.

Вотъ тебѣ и развлеченіе...

Цыгановъ.

Хотѣлъ уснуть и — не могъ, чортъ побери! Летаютъ уѣздныя мухи — джж, джж! И — съ размаха въ стекло — бумсъ!... Садятся на носъ, щекочутъ...

Черкунъ.

И, вѣроятно, голова болитъ со вчерашняго...

Цыгановъ.

Да-а, знаешь... радушная встрѣча инженеровъ въ уѣздномъ городѣ для меня сошла не совсѣмъ благополучно... Что такое они здѣсь пьютъ?

Черкунъ.

Притыкинъ называетъ это звѣробоемъ...

Цыгановъ.

Штука высокаго давленія... Ты знаешь, Жоржъ... такая странность! У меня видимо начинается... отрыжка, что ли? Вдругъ сегодня вспомнилъ эту... брюнеточка такая... какъ ее звали? Хористка изъ оперетки... она потомъ утопилась въ Мойкѣ... ты зналъ такую?

Черкунъ.

Нѣтъ...

Цыгановъ (*задумчиво*)

Маленькая... милые глазки... И вотъ сейчасъ одна муха, которой я подженгъ папиросой крылья, почему то напомнила мнѣ эту дѣвочку... какъ ея имя?

Анна
(*смотритъ по направленію къ дому*)

Что это? Ой... смотрите!

Цыгановъ.

Галлюцинація!

Черкунъ.

Фу, болванъ какой!

Гриша

(*въ тяжелой мѣховой шубѣ*)

Вотъ и я... ф-фу! Трудно мнѣ!

Черкунъ.

Послушайте вы... типъ! зачѣмъ это вы такъ нарядились?

Гриша (*улыбаясь*)

Въ шубу-то? Это меня отецъ выпариваетъ... чтобы я похудѣлъ... мнѣ осенью въ солдаты идти... такъ вотъ онъ жиръ изъ меня выпариваетъ...

Цыгановъ.

Остроумно...

Черкунъ.

И вы позволяете такъ издѣваться надъ собой?

Гриша.

Чего-же? Съ нимъ много не поспоришь... дерется! Да можетъ и въ самомъ дѣлѣ если похудѣю — не возьмутъ въ солдаты — то!

Черкунъ.

Ну, вотъ что — снимите шубу. Вѣдь на васъ противно смотрѣть. Такой здоровый и крѣпкій парень — какъ вамъ не стыдно? Надъ вами, навѣрное, дѣвицы смѣются — подумайте! Что за уродство! Вы должны сказать отцу, что больше не хотите... носить шубы въ жару — понимаете?

Гриша.

Да-а, скажи-ка ему... попробуй!

Цыгановъ.

Послушайте, юноша: а вдругъ отецъ сядетъ на васъ верхомъ и въ праздникъ по улицѣ возить себя заставитъ?

Гриша.

Ну, онъ срамиться не станетъ... онъ гордый!

Черкунъ (*настойчиво*)

Снимите шубу!

Гриша (*снимаетъ*)

Ладно... только бы онъ не увидалъ!

Анна.

Вы его любите, да?

Гриша (*не сразу*)

Старый онъ... скоро чай помретъ... тогда ужъ я самъ себѣ хозяинъ буду!

Черкунъ.

Ступайте домой и пошлите его ко мнѣ...

Гриша (*изумленъ*)

Это кого — отца... послать?

Черкунъ.

Ну, да... онъ дома?

Гриша (*теряется*)

Да... какъ же я скажу? Ишь вы! Послать... тоже! Развѣ можно? Онъ первое лицо...

Черкунъ (*вскакивая*)

О, чортъ возьми! (*Идетъ къ забору.*)

Гриша (*пугливо*)

Что вы? Что онъ дѣлаетъ? Сударыня . . . Я уйду . . . ну васъ тутъ! Вотъ озорникъ!

Черкунъ.

Сергѣй! Не пускай его . . . (*Кричитъ черезъ заборъ.*) Эй, кто тамъ? Эй!

Анна (*смѣется*)

Егоръ! Право же это лишнее . . .

Гриша.

Сударыня! Это озорство! Заманили меня . . . а теперь . . . Я уйду . . . Что такое?

Цыгановъ.

Юноша — будьте героемъ! Для этого вамъ нужно только смирно ждать . . . садитесь!

Черкунъ (*черезъ заборъ*)

Это вы? Пожалуйте ко мнѣ . . . Что? Да, сейчасъ!

Рѣдозубовъ (*за заборомъ*)

Григорій! Гришка!

Гриша (*испуганъ*)

Зоветъ . . . У-у-у! Батюшки!

Черкунъ.

Онъ здѣсь, у меня . . .

Цыгановъ.

Вотъ двигается еще одинъ образецъ мѣстной фауны...

Гриша (*со страхомъ*)

Разъ! Это Палагея Притыкина... ну!

Цыгановъ.

Знаете что, вамъ надо выпить для храбрости... это помогаетъ!

Гриша.

Давайте... скорѣе! Ахъ ты... ну ужъ...

Анна (*хохочетъ*)

Да полноте... охъ какой вы... чудакъ! Степа!

Притыкина.

Здравствуйте!

Цыгановъ (*кланяясь*)

Что вамъ угодно?

Притыкина.

Татьяна Николаевна дома?

Цыгановъ.

Къ сожалѣнію это мнѣ неизвѣстно... (*Степа идетъ.*)

Притыкина.

Ахъ, Гриша, Здравствуй!...

Гриша (*бормочетъ*)

Ну, вотъ... теперь началось...

Черкунъ.

Съ вами здоровается дама, а вы сидите...

Анна (*Степѣ*)

Принесите портвейнъ и ликеръ...

Цыгановъ.

И коньякъ, и водку...

Гриша.

Я ее знаю...

Притыкина.

Мы знакомы, какъ-же! А это — ваша супруга? Какія они красавицы у васъ...

Черкунъ.

Она тоже не знаетъ гдѣ Татьяна Николаевна...
(*Степа приноситъ подносъ съ бутылками.*)

Притыкина.

Это мнѣ не очень интересно! Я вѣдь, коли правду сказать, не къ ней, а къ вамъ пришла... ее-то я всегда видѣть могу, а вотъ съ вами мнѣ лестно познакомиться...

Черкунъ.

Анна! Это къ тебѣ, я думаю...

Цыгановъ (*Аннѣ*)

Я увѣренъ, что это къ вамъ... Ну-съ, юноша, вамъ чего дать?

Гриша.

Которое злѣе...

Притыкина.

. Нѣтъ, я ко всѣмъ! Супруга ваша конечно со стороны туалетовъ, но и вы, судари мои, тоже очень интересные . . .

Гриша (*выпилъ*)

Ухъ! Сладко, а . . . здорово! .

Цыгановъ (*кланяясь Притыкиной*)

Весьма польщенъ . . . Юноша, запомните: эта влага называется шартрэзъ . . .

Анна (*Притыкиной*)

Садитесь пожалуйста . . .

Притыкина.

Мерси! Я давно говорю Архипу, мужу то-ѐсть, — окаянный! познакомь съ инженерами! А онъ стращаетъ — они, говоритъ, строгіе! А вы вовсе не строгіе, но, конечно, образованные и потому гордые . . . Что же? Всякому человѣку погордиться хочется — мы вотъ деньгами гордимся, а вы — науками . . . А у кого нѣтъ ничего, тотъ ужъ — что онъ? Вродѣ младенца, который годъ прожилъ, да и померъ, и сказать про него нечего! Я эдакъ-то родила . . .

Анна (*быстро встаетъ*)

Можетъ быть вы пройдете туда, на веранду?

Притыкина.

Съ удовольствіемъ, дорогая вы моя, пройду-съ! Какая вы привѣтливая, какая милая . . . И такъ я рада, что вы пріѣхали, такъ рада! Городокъ

у насъ — милый, красивый и кругомъ все окрестности... и лѣсныя окрестности, и полевыя, и болотныя... и клюква, ужъ столько клюквы!

Цыгановъ
(*посмотрѣлъ вслѣдъ дамамъ*)

Занятно, Жоржъ, право... интересная женщина!

Гриша (*вдругъ засмѣялся*)

Она — дурёха!

Черкунъ.

Что?

Гриша.

Дура, говорю, она. Старая, а вышла за молодого замужъ... Богатая она... онъ все забралъ у нея, а самъ, конечно, бѣгаетъ... Онъ — ловкій! Ухъ... отецъ идетъ! Заслоните меня... я еше хвачу...

(*Цыгановъ закрываетъ собою Гришу — Гриша наливаетъ большую рюмку ликера, быстро проглатываетъ ее и дико таращитъ глаза. Идетъ Рѣдозубовъ, глядя изъ подлобья на Черкуна, за нимъ — Павлинъ Головастиковъ, съ толстой тетрадью подъ мышкой.*)

Рѣдозубовъ (*не кланяясь*)

Гришка! Ты чего тутъ дѣлаешь?

Гриша (*ухмыляясь*)

Такъ... ничего...

Черкунъ.

Это я его пригласилъ...

Рѣдозубовъ.

Зачѣмъ?

Черкунъ.

Нужно.

Рѣдозубовъ.

А онъ меня спросилъ, можно-ли идти?

Черкунъ.

Зачѣмъ? (*Молча смотрятъ другъ на друга.*)

Рѣдозубовъ.

Я его отецъ...

Черкунъ.

Ну-съ долго разговаривать мнѣ некогда... Вашъ сынъ долженъ снять эту дурацкую шубу. Что за глупость! И кто вамъ далъ право такъ издѣваться надъ человѣкомъ только потому, что онъ вашъ сынъ?

Рѣдозубовъ (*удивленъ*)

Позволь... что такое?

(*Павлинъ осторожно отодвигается въ сторону отъ Рѣдозубова.*)

Черкунъ.

Если-же онъ будетъ носить шубу — я напишу воинскому начальнику, что вы заставляете вашего сына уклоняться отъ исполненія воинской повинности — вы поняли?

Гриша (*вдругъ*)

Папаша! Желаю въ солдаты... ей Богу!

Черкунъ.

Вы поняли? Это — уголовное преступленіе...

Рѣдозубовъ (*растерянъ*)

Погоди! По какому праву? Павлинъ — будь свидѣтелемъ... Гришка — ступай домой...

Гриша.

Папаша! Не могу я похудѣть... не могу! (*Притыкинъ стоитъ слѣва за деревьями.*)

Рѣдозубовъ (*спокойнѣе*)

Ты, господинъ, пріѣхалъ дорогу строить... Строй! Я тебѣ не мѣшаю... и ты въ чужое дѣло не мѣшайся, да! И... и глаза на меня... зеленые глаза — не таращь... Григорій — домой! А я — жаловаться буду... я къ губернатору поѣду...

Цыгановъ (*съ ласковой улыбкой*)

И пріѣдете на скамью подсудимыхъ... Это въ шестьдесятъ-то лѣтъ! Будучи городскимъ головой, церковнымъ старостой, кумомъ пожарнаго и прочее... и прочее... Такая блестящая карьера и такой мрачный конецъ! Вы представьте себѣ это...

Рѣдозубовъ.

Баринъ... подождите! Григорій — иди домой, собака! Не слушай... не гляди на нихъ...

Гриша (*пьяно заплакалъ*)

Они тебя... въ острогъ! И меня... въ острогъ!

Рѣдозубовъ (*хватаетъ его за руку*)

Иди, песъ... (*Быстро идетъ прочь.*)

Черкунъ (*вслѣдъ, спокойно*)

Почтенный, — если вы побьете сына — это будетъ стоить вамъ дорого... (*Идетъ за ними.*)

Притыкинъ (*удивленъ*)

Испугался! Василій Ивановъ Рѣдозубовъ — испугался!

Цыгановъ.

Любитъ почетъ, а?

Притыкинъ.

У-у, страсть! Ежели въ могилу человѣка съ почетомъ несутъ — онъ и тутъ завидуетъ, такъ-бы на его мѣсто и легъ! Столбы каменные видѣли передъ его домомъ? Улицу онъ ими загородилъ — хотѣлъ парадное крыльцо построить, какъ у князя Хрящеватаго... Запретили ему портить улицу — седьмой годъ судится, не хочетъ уступить... И никогда, никому онъ не уступалъ...

Павлинъ
(*выступаетъ и докладываетъ, считая на пальцахъ*)

Человѣкъ, замѣтить смѣю, жестокій — одну супругу въ гробъ забилъ, другая — въ монастырь сбѣжала, одинъ сынъ — дурачкомъ гуляетъ, другой — безъ вѣсти пропалъ...

Цыгановъ.

Позвольте, мой дорогой, вы — что такое?

Павлинъ.

Я-съ? Я съ нимъ пришелъ... меня всѣ здѣсь знаютъ...

(*Пришла Степа, собираетъ со стола бутылки и уноситъ ихъ.*)

Притыкинъ.

Дружокъ Рѣдозубова-то . . . тоже — перецъ!

Павлинъ.

Я со всѣми людьми желаю дружно жить . . .

Цыгановъ.

Вамъ угодно что-нибудь отъ меня?

Павлинъ.

Точно такъ. Вотъ сочиненіе мною написано... и какъ вы человѣкъ ученый, то желалъ бы я знать вашъ взглядъ, о чемъ и прошу васъ усердно. Называется оно „Нѣкоторое разсужденіе о словахъ, составленное для обнаженія лжи безкорыстнымъ любителемъ истины“ . . . Десять лѣтъ писалъ . . .

Цыгановъ (*беретъ тетрадь*)

О чемъ-же вы здѣсь разсуждаете?

Павлинъ.

Противъ новыхъ словъ я . . . Какъ поступки человѣческіе остались съ древности неизмѣнны, а названія имъ даны другія, то я и противорѣчу этому . . . Вообще — противъ новыхъ словъ.

Цыгановъ.

Что такое — новыя слова?

Павлинъ.

Напримѣръ: раньше говорилось — ябеда, а теперь говорятъ — корреспонденція . . .

Притыкинъ.

Это онъ про то, какъ его въ газетѣ обругали за доносъ на учителя... Не бойсь, головѣ Рѣдозубову ты ни въ чемъ не противорѣчилъ...

Павлинъ.

Кустъ дерево тѣнью не покроетъ, Архипъ Фомичъ! Онъ выше меня по значенію своему въ городѣ... недоступное — недосягаемо!

Цыгановъ (*идетъ къ дому*)

Хорошо, я посмотрю вашу рукопись...

Павлинъ.

Чувствительно благодаренъ...

Цыгановъ.

Вы зайдете какъ-нибудь...

Павлинъ.

Сочту долгомъ...

(*Всѣ трое уходятъ. Надъ заборомъ Рѣдозубова появляется Катя — она внимательно осматриваетъ садъ. Слышенъ голосъ Черкуна — Катя исчезаетъ. Идетъ Черкунъ, съ нимъ Анна.*)

Анна.

Такъ издѣваться надъ людьми за то, что они глупы... нехорошо!

Черкунъ.

Они — злы...

Анна.

Все равно — отъ глупости...

Черкунъ.

Ну да, я знаю, что ты скажешь: старика — жалко, я — грубъ и неправъ!

Анна.

Какъ тяжело съ тобой Егоръ!

Черкунъ.

Тебѣ — тяжело? Мнѣ, пока, только скучно... (*Садится за столъ*). Тебя тамъ ждутъ эти... гости...

Анна.

Иду... Ты... не хочешь поцѣловать меня?

Черкунъ.

Нѣтъ...

(*Анна, быстро повернувшись, уходитъ. Черкунъ работаетъ. Надъ заборомъ снова появляется Катя — бросаетъ камень въ Черкуна. Потомъ палку. Исчезаетъ.*)

Черкунъ (*по направленію къ забору*)

Эй вы, дикарь! Я не терплю такихъ шутокъ!

Катя (*за заборомъ*)

А мнѣ наплевать на васъ!... слышали?

Черкунъ (*встаетъ*)

Вы — женщина?

Катя.

Не ваше дѣло... рыжій!

Черкунъ.

Если вы и женщина... то всетаки и грубо и глупо швырять камнями...

Катя.

А вы смѣете обижать людей?

Черкунъ.

Какихъ людей?

Катя.

Ага, какихъ... Отца и брата...

Черкунъ.

Ахъ, вотъ что! Но — все же нечестно изъ за угла кидаться... Вы-бы показались, что-ли...

(*Идетъ Степанъ и удивленно смотритъ на Черкуна.*)

Катя.

Вы думаете я боюсь васъ?

Черкунъ.

Могу подумать и это... Но, вѣрнѣе, вы — очень некрасивая...

Степанъ.

Это вы съ кѣмъ же бесѣдуете, патронъ?

Черкунъ.

Съ дамой..:

Степанъ (*оглядываясь*)

А... гдѣ она?

Черкунъ.

Тамъ...

Степанъ.

Ничего не понимаю! Васъ хочетъ видѣть исправникъ...

Черкунъ.

Ну, что такое?

Степанъ.

Не знаю. Пойду посмотрѣть даму...

Катя.

Попробуйте-ка!

Черкунъ (*уходя*)

Вы осторожнѣе... Она швыряетъ въ мужчинъ палками...

Катя.

Я только въ рыжихъ...

Степанъ.

Значитъ меня вы не стукнете палкой?

Катя.

Влѣзайте... увидите!

Степанъ.

Гм... страшно! А всетаки — полѣзу!

Катя (*является на заборѣ*)

Не нужно... Если увидитъ отецъ — онъ вамъ задастъ. Что вамъ надо?

Степанъ.

Ничего. А вамъ?

Катя.

Когда придетъ рыжій — я непремѣнно камнемъ въ носъ ему...

Степанъ.

Ого! За что?

Катя.

Ужъ я знаю! Скажите — красивая дама — законная жена рыжаго?

Степанъ.

А вамъ зачѣмъ знать это?

Катя.

Нужно, значитъ. А онъ ее любитъ?

Степанъ.

Вы объ этомъ у него спросите... или у нея...

Катя.

А вы, будто, не знаете?

Степанъ.

Я не опытенъ въ этомъ...

Катя.

Какъ-же... притворяйтесь! Всѣ студенты — распутные, въ Бога не вѣруютъ и читаютъ запрещенныя книжки... я вѣдь знаю! И вы читаете запрещенныя книжки?...

Степанъ.

Грѣшенъ... (*Идетъ Цыгановъ, останавливается, и съ улыбкой слушаетъ.*)

Катя.

Ахъ, вы... безстыдникъ! Зачѣмъ же вы это дѣлаете?

Степанъ.

Такъ, знаете... привычка!

Катя (*негромко*)

Дайте мнѣ одну... Только которая интереснѣе, хорошо? Я очень люблю читать... ай! (*Исчезаетъ. Степанъ оглядывается.*)

Цыгановъ.

Похвально, юноша!

Степанъ (*смущенъ*)

Ну... ужъ вы сейчасъ... Совсѣмъ ничего нѣтъ особеннаго... просто она просила книгъ... конечно — черезъ заборъ... ну, что-жъ такое?

Цыгановъ.

Да я-же ничего не говорю!

Степанъ.

Но... вотъ вы улыбаетесь...

Цыгановъ.

Не красно говорите — значитъ еще не влюбились...

Степанъ.

Вотъ... любовь! Къ чему это?

Цыгановъ.

Я тоже часто спрашивалъ себя — къ чему? Но это мнѣ не помогало, юноша, и я влюблялся... А она хорошенькая, знаете... такая чертовочка растрепанная... Желаю успѣха...
(*Возвращается, взявъ со стола свертокъ картъ. Степанъ смотритъ на заборъ, потомъ — хочетъ влѣзть на него. Идутъ Богаевская и Монахова.*)

Богаевская.

Это вы зачѣмъ же на стѣну-то лѣзете, молодой человѣкъ?

Степанъ.

Я фуражку... повѣсилъ фуражку, а она упала туда...

Богаевская.

Да вѣдь фуражка на головѣ у васъ?

Степанъ.

Это — не та... та была... другая...

Богаевская.

Вы, кажется, голову потеряли, а не фуражку... Надежда Поликарповна, вотъ познакомься — Степанъ Даниловичъ Лукинъ...

Монахова (*внимательно смотритъ*)

Очень молоденькій...

Богаевская (*закуриваетъ папиросу*)

Ну и оставимъ его лазить по заборамъ... Вотъ всѣ сюда идутъ... Ахъ, Надежда, говори ты меньше — можетъ быть умнѣе покажешься людямъ...

(*Степа является, приноситъ корзину съ посудой, бутылками лимонада, ликеромъ, собираетъ со стола бумаги, покрываетъ столъ скатертью. Нѣсколько времени спустя приходятъ Докторъ, Цыгановъ, Лина.*)

Монахова (*спокойно*)

У меня очень большой умъ...

Богаевская.

Не ври! Подумай — вѣдь кромѣ любви этой твоей... ты ни о чемъ не можешь говорить...

Монахова.

Ни о чемъ не могу...

Цыгановъ (*Доктору*)

Сначала мы съ вами выпьемъ, докторъ, не такъ ли?

Докторъ.

И потомъ выпьемъ.

Цыгановъ.

И потомъ, разумѣется... Степа — готово? Вотъ...

(*Возится съ бутылкой. Докторъ тяжелымъ, неподвижнымъ взглядомъ смотритъ на Монахову. Анна подходитъ и садится рядомъ съ ней.*)

Анна.

А, должно быть, вамъ скучно жить здѣсь?

Монахова.

Нѣкоторые жалуются на это... А мнѣ не скучно — я цѣлые дни книжки читаю, или сижу и думаю...

Анна.

Вы что читаете? Романы?

Монахова.

А что-же еще? Былъ здѣсь одинъ служащій въ земствѣ, застрѣлился онъ потомъ...

Анна.

Застрѣлился? Отчего?

Надежда.

Не знаю...

Докторъ (*угрюмо и зло*)

Отъ любви къ ней...

Богаевская (*укоризненно*)

Экъ, вы батюшка...

Надежда (*спокойно*)

Онъ давалъ мнѣ какія-то другія книги, не романы... но онѣ скучныя были и я ихъ не читала...

Цыгановъ.

А здѣсь въ городѣ, въ жизни — бываютъ романы?

Монахова.

Какъ же безъ этого? И здѣсь влюбляются...

Анна.

Должно быть жалка эта мѣстная любовь...

Монахова.

Любовь вездѣ одинакова, если она настоящая...

Цыгановъ.

А что такое настоящая любовь?

Монахова.

Которая на всю жизнь...

Цыгановъ.

Гм... да! Вы много прочитали романовъ... Вамъ, вѣроятно, часто объясняются въ любви...

Монахова.

Нѣтъ, не очень... Вотъ служащій этотъ, который застрѣлился, письма мнѣ писалъ, а до него — земскій начальникъ говорилъ — (*Докторъ медленно отходитъ въ сторону*), но послѣ этого поѣхалъ на охоту, простудился тамъ пьяный и въ три дня умеръ...

Анна (*вздрогнувъ*)

Умеръ?

Монахова.

Да. Не нравился онъ мнѣ. Пилъ много, носомъ сопѣлъ и лицо у него было красное. Теперь вотъ докторъ говоритъ, что влюбленъ въ меня...

Богаевская (*съ упрекомъ*)

Матушка ты моя! Помолчать бы тебѣ!

(*Встаетъ, идетъ къ дому. Среди деревьевъ стоитъ докторъ и неподвижно смотритъ на Монахову.*)

Анна (*подавлена*)

Какъ вы разсказываете... просто!

Цыгановъ (*серьезно*)

А вы... какъ относитесь къ нему?

Монахова.

Никакъ. Онъ на мужа моего похожъ...

Цыгановъ.

Что вы! Мнѣ кажется — нисколько!

Монахова.

Нѣтъ, похожъ. Съ лица — не похожъ, а по душѣ они родные. Оба рыбу ловить любятъ, а кто любитъ рыбу удить, онъ, все равно что полумертвый. Онъ сидитъ надъ водой, какъ будто смерти ждетъ...

Цыгановъ (*Аннѣ*)

Тутъ есть какая-то правда...

Анна.

Это понравилось бы Егору...

Монахова.

Какіе у вашего супруга глаза обаятельные! И волосы... какъ огонь! И весь онъ — отличный мужчина... Разъ увидишь — не забудешь! А у здѣшнихъ мужчинъ у всѣхъ глаза одинаковые... и даже, какъ будто нѣтъ у нихъ глахъ...

Анна (*негромко*)

Какая вы... странная!

Цыгановъ (*медленно*)

Д-да-а... Я-бы даже сказалъ — страшная...

Монахова (*впервые улыбаясь*)

Вы — это серьезно?

Цыгановъ.

Мое честное слово!

Монахова.

Вотъ докторъ тоже говоритъ...

Анна (*тихо*)

Бѣдный докторъ...

(*Раздается смѣхъ Монахова. Идутъ Черкунъ, Исправникъ, Монаховъ, Лидія, Богаевская.*)

Черкунъ.

Анна! Яковъ Алексѣевичъ уходитъ... (*Остается въ сторонѣ съ Лидіей.*)

Анна.

Вы не хотите посидѣть еще?

Исправникъ.

Благодарствую! На первый разъ — довольно. А знаете Сергѣй Николаевичъ, я какъ-то такъ... незамѣтно — выпилъ весь хересъ! Дѣйствительно — адское вино!

Цыгановъ (*разсѣянно*)

Вы подождите — вотъ я скоро получу кое-что въ этомъ родѣ...

Исправникъ.

Жду! Нетерпѣливо жду! (*Хохочетъ.*)

Монаховъ
(*подходитъ къ доктору*)

Что, батя, а?

Докторъ.

Ничего... думаю — надо пива выпить...

Монаховъ.

Пей! Тоска пройдетъ...

Исправникъ.

И такъ — завтра прогулка въ лодкахъ? Въ пять вечера пришлю за вами пожарныхъ лошадей... а музыку — угодно?

Богаевская.

Ну, ужъ избавьте батюшка... какая радость, если уши лопнутъ? Да пожарные и въ городѣ могутъ понадобиться.

Исправникъ.

Чуръ меня! Я не люблю пожаровъ и вообще — жары! (*Хохочетъ*). До свиданья господа! Ужасно радъ, что въ моемъ городѣ будутъ жить такіе люди..., и прочее... не умѣю говорить рѣчей... ...

Монахова.

Вы на лошадяхъ?

Исправникъ.

Всенепремѣнно. Васъ — доставить на домъ? Прошу!

Цыгановъ.

Куда вы, Надежда Поликарповна? Посидите!...

Монахова.

Пора домой... До свиданья... Маврикій, я ѣду домой... До свиданья, Анна Федоровна!

Монаховъ.

Домой? Чудесно, Надя...

Анна.

Я всегда рада буду видѣть васъ...

Цыгановъ.

Я — то-же...

Исправникъ.

Ее пріятно видѣть, а? Вашу руку, мадамъ! Анна Федоровна — будьте здоровы! Сергѣй Николаевичъ — такъ я жду... кое-чего. Почтенная Татьяна Николаевна — доброй ночи...

Богаевская.

Рано пожелалъ. батюшка... больно щедръ!

Исправникъ.

Для васъ — мнѣ ничего не жалко... А, знаете, я благодаренъ головѣ, хоть онъ и вздорный мужикъ... Не пожалуйся онъ на васъ — еще когда я познакомился-бы съ вами! Всѣхъ благъ!... (*Идетъ съ Монаховой.*)

Анна (*идетъ къ доктору*)

Докторъ, хотите пройтись по саду?...

Докторъ.

Пожалуй... идемте...

Анна.

Хоть-бы сказалъ — съ удовольствіемъ...

Докторъ.

Я разучился говорить человѣческимъ языкомъ...

(*Идутъ, разговаривая. Черкунъ и Лидія, говоря въ полголоса, оба серьезные, идутъ къ столу. Цыгановъ, сосре-*

доточенно смотрѣвшій вслѣдъ Монаховой — наливаетъ себѣ большую рюмку чего-то и пьетъ. Монаховъ, стоя около стола, одобрительно щелкаетъ языкомъ.)

Черкунъ.

Ну, Сергѣй, ты пьешь на смерть!

Цыгановъ.

Поучись галантности у исправника, мой другъ...

Черкунъ (*Лидіи*)

Извините меня... На минуту, Сергѣй... Послушай — эта глупая баба — жена акцизнаго, смотритъ на меня такими жадными глазами...

Цыгановъ.

Ты глупъ, Жоржъ... какъ это пріятно мнѣ!

Черкунъ.

Нѣтъ, серьезно... мнѣ неловко...

Цыгановъ.

Иди! Тебя ждутъ... (*Черкунъ, пожавъ плечами, идетъ къ Лидіи.*) Маврикій Осиповичъ — ликеру?

Монаховъ.

Не откажусь отъ удовольствія и въ смертный часъ...

Цыгановъ.

Правильно. И сигару... Вы въ карты играете?

Монаховъ.

А на что-жъ природа руки мнѣ дала?

Цыгановъ.

Э, да вы еще и остроумный человѣкъ... Обладатель такой прекрасной женщины (*Монаховъ смѣется*) пріятный собесѣдникъ...

Монаховъ (*вдругъ*)

Хотите пари?

Цыгановъ.

Какое пари?

Монаховъ.

Держу сто цѣлковыхъ противъ вашихъ пятидесяти, что вы влюбитесь въ мою жену! Идетъ?

Цыгановъ
(*внимательно смотритъ на него и — съ изящнымъ нахальствомъ барина*)

Вы ничего не имѣете противъ этого?

Монаховъ
(*чертитъ пальцемъ въ воздухѣ*)

Ноль! Благославляю!

Цыгановъ (*усиливая тонъ*)

А если, — представьте казусъ! — она въ меня влюбится?

Монаховъ.

Держу пятьсотъ противъ ста за нѣтъ!

Цыгановъ (*смѣясь*)

Вы — премилый человѣкъ... Но, пока — оставимъ это, а? И поиграемъ въ карты... Зовите доктора, Притыкинъ тамъ съ нашимъ сту-

дентомъ занять провѣркой счетовъ... возьмемъ его — вѣдь онъ не опоздастъ обокрасть насъ, не такъ ли?

(*Идетъ въ домъ. Тамъ Анна играетъ на піанино что-то грустное.*)

Монаховъ.

Конечно нѣтъ, не безпокойтесь... Онъ будетъ городскимъ головой... Рѣдозубовъ — трухлявъ, Архипъ — съѣстъ его...

Цыгановъ.

Вѣроятно... Люди становятся мельче, жулики — крупнѣе.

(*Монаховъ хохочетъ. Изъ за деревьевъ выходятъ Черкунъ и Лидія, идутъ медленно, останавливаются у стола и говорятъ стоя.*)

Черкунъ.

Вы долго будете здѣсь жить?

Лидія.

Не знаю. Вѣроятно — мѣсяцъ...

Черкунъ.

Я — до зимы почти... до поздней осени...

Лидія.

Я не люблю маленькіе города — въ нихъ живутъ ничтожные люди... Когда я среди нихъ, я спрашиваю себя — почему-же они люди?

Черкунъ.

Да, да!... Среди нихъ застываетъ энергія. Въ большихъ городахъ она кипитъ день и ночь.

Тамъ неустанное треніе враждебныхъ силъ, тамъ никогда не прерывается битва за жизнь. Горятъ огни. Звучитъ музыка. Тамъ все, чѣмъ жизнь красна.

Лидія.

Большой городъ, онъ — какъ симфонія. Какъ сказочный залъ волшебника, гдѣ все есть и все можешь взять. Тамъ — хочешь жить!

Черкунъ.

Да, жить! Я хочу жить много, ярко... Я видѣлъ, я испыталъ все пошлое, все тяжелое. Было время — меня унижали только за то, что я хотѣлъ ѣсть. А, вы не знаете, какъ унижаютъ человѣка за то, что у него нечистое бѣлье и не острижены во время ногти?

Лидія.

Я вижу — вамъ было плохо...

Черкунъ.

Ну, да! Мнѣ очень нужно посчитаться съ людьми за прошлое, очень! Во мнѣ нѣтъ жалости, нѣтъ снисхожденія къ тѣмъ жаднымъ и тупымъ животнымъ, которые командуютъ жизнью... и безсиліе тѣхъ, которые подчиняются, меня приводитъ въ ярость...

Лидія.

Вамъ и теперь нехорошо живется...

Черкунъ.

Теперь? Да... и теперь...

Лидія

(*широкимъ жестомъ указывая вокругъ*)

Вамъ нужно не это — нужно широкое поле битвы. Мнѣ кажется, вы способны на что-то крупное... большое... Но — умѣете ли вы оцѣнить себя? Оцѣнить себя выше — это не ошибка, можно подняться, прыгнуть; но понизить цѣну себѣ, — это значитъ наклониться, чтобъ другіе прыгали черезъ твою голову.

Черкунъ.

Я понимаю это...

Лидія.

Мнѣ кажется, — человѣкъ не долженъ имѣть много, но пусть то, что онъ имѣетъ, будетъ великолѣпно! Не нужно быть жаднымъ... не нужно загромождать свою душу дешевымъ, мелкимъ... жизнь сдѣлается красива тогда, когда люди будутъ желать рѣдкаго...

Черкунъ.

Вы — романтичны.

Лидія.

Развѣ это плохо... если это такъ? Кто это? (*Идетъ Дунькинъ мужъ. Онъ еще болѣе оборванъ, чѣмъ въ первомъ дѣйствіи. Пьянъ и шагаетъ смѣло.*)

Черкунъ.

Что вамъ угодно?

Дунькинъ мужъ (*вдохновенно*)

Позвольте вамъ сказать... я — отецъ!

Черкунъ.

Чей отецъ?

Дунькинъ мужъ.

Ея... которая у васъ... горничная... Степанида... Она — бѣглая... отъ меня. И я — требую... потому — отецъ! Что подѣлаете? Могу требовать...

Черкунъ (*Лидіи*)

Вотъ почти такимъ былъ мой отецъ...

Лидія.

Прогоните его — онъ противенъ...

Черкунъ.

Что вамъ нужно?

Дунькинъ мужъ.

Жалованье... Дочь — чья? Моя. И жалованье — мое, оттого я и требую... А то — возьму ее, дочь свою... Павлинъ говоритъ — никто не можетъ держать у себя чужую дочь... если она бѣглая... а отецъ всегда можетъ требовать жалованье... Павлинъ говоритъ...

Черкунъ.

Вы — не отецъ. Родить ребенка, это еще не значитъ быть его отцомъ... Отецъ — это человѣкъ, но развѣ человѣкъ — вы?

Лидія (*усмѣхаясь*)

Какъ вы молоды! Онъ не пойметъ — зачѣмъ вы говорите?

Черкунъ.

Да, не поймѣтъ... Ну, вы... ступайте... прочь!

Дунькинъ мужъ (*отступая*)

А... жалованье?

(*Идетъ Анна, остановилась, смотритъ.*)

Черкунъ.

Ступайте прочь!

Дунькинъ мужъ
(*испугался и нѣсколько отрезвѣлъ*)

Ну, ничего... я уйду... только — дайте хоть полтынникъ!

Лидія (*бросая монету*)

Идите...

Черкунъ.

Живѣе! Но?

(*Дунькинъ мужъ, не оглядываясь, исчезаетъ. Изъ кустовъ смотритъ Анна.*)

Лидія (*улыбаясь*)

Какъ просто! Вотъ онъ и промѣнялъ свою дочь на маленькій кусокъ плохого серебра. А насъ хотятъ заставить жалѣть, даже любить такихъ людей... вамъ это нравится? Развѣ имъ поможетъ жалость? И развѣ можно ихъ любить? Вотъ... Анна Федоровна! Устали отъ гостей?

Анна (*сухо*)

Нѣтъ, ничего. Они играютъ въ карты... Я вышла посмотрѣть...

Черкунъ (*подозрительно*)

Посмотрѣть — на что?

Анна.

Я видѣла, какъ прошелъ въ садъ этотъ жалкій человѣкъ...

Лидія.

Ну, я иду домой... Мы вечеромъ увидимся, я не прощаюсь...

Черкунъ.

Да... мы увидимся...

(*Лидія уходитъ. Черкунъ смотритъ вслѣдъ ей. Анна наблюдаетъ за нимъ, кусая губы. Къ ней бросается Степа.*)

Степа.

Онъ за мной приходилъ... за мной?

Анна.

Нѣтъ, Степа... это такъ... не бойся!

Степа.

Христа ради... не отдавайте меня ему..

Анна.

Да нѣтъ же! Ты успокойся... иди!

Степа.

Я въ монастырь уйду! Туда его не пустятъ... туда, вѣдь, не пустятъ?

Черкунъ.

Идите, Степа! Все это чепуха... Онъ ничего не можетъ сдѣлать съ вами...

Анна.

Мы не дадимъ васъ ему...

Степа (*уходя*)

О, Господи...

Анна.

Мнѣ кажется, Егоръ, этого человѣка нужно какъ-нибудь...

Черкунъ (*рѣзко*)

Ничего не нужно дѣлать какъ-нибудь...

Анна (*ласково*)

Ты раздраженъ...

Черкунъ.

Нѣтъ. Но я хочу тебѣ сказать — ты слишкомъ ярко подчеркиваешь свою непріязнь къ Лидіи Павловнѣ...

Анна.

Позволь! Съ чего ты взялъ?

Черкунъ.

Неправда — вездѣ излишня, тѣмъ болѣе межъ нами, Анна... Она мнѣ нравится, съ ней — интересно, ты это видишь и боишься...

Анна (*тревожно*)

Чего боюсь? Я... не боюсь, нѣтъ!

Черкунъ.

Я вѣдь вижу, Анна...

Анна.

Что? Что ты видишь? Скажи... скажи... скорѣе... Нѣтъ! не говори... прошу тебя, не надо!

Черкунъ (*угрюмо*)

Тише, Анна...

Анна.

Молчи! Прошу тебя... Дай мнѣ привыкнуть къ мысли...

Черкунъ.

Эта мысль давно уже съ тобой, а ты все не привыкла...

Анна.

Но если — не могу! Вѣдь я люблю тебя, люблю! Я все тебѣ прощаю...

Черкунъ.

Прощанья мнѣ не нужно...

Анна.

Я скучный, я обыкновенный человѣкъ... я знаю это, да! Но я люблю тебя... И не могу я безъ тебя... я не могу. Развѣ за это можно презирать? Развѣ можно... такъ жестко...

Черкунъ.

Я тебя не презираю... Это неправда... Но я уже не люблю тебя. Вотъ правда...

Анна.

Но ты любилъ меня... Нѣтъ... подожди! Ты ошибаешься.

Черкунъ.

Это сгорѣло. А не любя живутъ съ женами только развратники... или лгуны...

Анна.

О, подожди-же! Подожди... Дай мнѣ время... я попробую, быть можетъ я буду... другой! Быть можетъ я не буду такой неинтересной...

Черкунъ.

Эхъ Анна! Стыдись! Какъ можно отрекаться отъ себя?

Анна.

Мой дорогой! Любимый мой... Я не могу жить безъ тебя...

Черкунъ (*твердо*)

А я — съ тобой...

(*Идетъ къ дому. Анна — подавленная, медленно садится къ столу. Шумъ — кто-то перелѣзъ черезъ заборъ, какъ слышно по звукамъ: Анна не слышитъ. Изъ-за деревьевъ выбѣгаетъ Катя.*)

Катя (*обнимая Анну*)

Милая, славная моя! Вы не плачьте... онъ подлецъ...

Анна (*вскакивая*)

Уйдите! Кто вы?

Катя.

Онъ — дуракъ. Развѣ такъ можно говорить? Развѣ можно не любить васъ?

Анна.

Кто вы? Какъ вы...

Катя.

Я — Катя, я Рѣдозубова! Вы его бросьте... вы молодая, полюбите еще! Полюбите другого, хорошаго, добраго... А ему... я-бы отхлестала его по щекамъ...

Анна.

Зачѣмъ вы слушали... о, Боже мой!

Катя.

Я все знаю, что у васъ дѣлается... я цѣлые дни слѣжу за вами въ щель... и такъ люблю васъ, такъ люблю!

Анна (*нѣсколько оправляясь*)

Это нехорошо... подслушивать...

Катя.

А почему нехорошо? Надо все видѣть, это интересно! Вотъ, если-бъ я не пришла — вы-бы сидѣли одна и плакали... А теперь я буду утѣшать васъ... (*Идетъ Степанъ.*)

Анна.

Молчите... тише! Вы ничего не знаете, не слышали... прошу васъ!

Катя (*съ важностью*)

Я понимаю! Ахъ, это... этотъ!

Степанъ

(*снимая фуражку, кланяется*)

Тотъ самый... Черезъ заборъ изволили прибыть?

Катя.

А вамъ какое дѣло? Вы думаете, если я черезъ заборъ — такъ ужъ и дурочка? Я не глупѣе васъ... убирайтесь!

Степанъ.

Вотъ тебѣ и разъ! Чѣмъ я прогнѣвалъ...

Катя (*топая ногой*)

Молчите! Съ вами не разговариваютъ... Идемте! (*Беретъ Анну за руку.*)

Анна.

Я... простите меня... не могу... мнѣ некогда...

Катя.

Я понимаю... Я буду съ вами... Идемте!

(*Ведетъ ее въ глубину сада. Степанъ недоумѣваетъ. Идутъ Рѣдозубовъ и Павлинъ, Рѣдозубовъ растрепанъ и взволнованъ.*)

Рѣдозубовъ.

Будь свидѣтелемъ Павлинъ... давеча сына сманили... напоили... теперь дочь... (*Степану*) Ты кто? Служащій? Зови господъ... Гляди, Павлинъ...

Степанъ.

Вы ошибаетесь, почтенный...

Рѣдозубовъ.

Мнѣ все равно! Здѣсь — вертепъ, да! Ахъ, фармазоны, а? Зови ихъ!

Степанъ.

Не хочу...

Рѣдозубовъ.

Какъ? Я тебѣ говорю, а ты... (*Черкунъ идетъ.*)

Павлинъ.

Они — студентъ...

Рѣдозубовъ.

Ага! Значитъ одна шайка...

Черкунъ (*спокойно*)

Что такое? Въ чемъ дѣло?

Рѣдозубовъ.

Гдѣ дочь?

Черкунъ.

Не знаю...

Рѣдозубовъ.

Врешь, фармазонъ!...

Черкунъ (*Степану*)

Что такое — фармазонъ?

Степанъ.

Первый разъ слышу...

Рѣдозубовъ.

Не шути, баринъ! Гдѣ дочь?

Павлинъ.

По научному если — франк-масонъ говорится...

Черкунъ.

Послушайте, старикъ — ваша дочь бросала въ меня камни, а больше я ничего не знаю о ней... вы понимаете? (*Катя бѣжитъ*).

Рѣдозубовъ.

А это что? Катерина... кто велѣлъ...

Катя.

Ну, не шуми... иди сюда! Иди, иди... не бойся, онъ не пойдетъ...

Рѣдозубовъ.

Дочка моя! Не мѣсто тебѣ тутъ...

Катя (*Черкуну*)

Вы — не ходите! Слышите... вы! Уродъ!...

(*Уходитъ, увлекая за собой отца. Степанъ смѣется. Черкунъ, улыбаясь, смотритъ на него. Павлинъ поджалъ губы и наблюдаетъ.*)

Черкунъ.

Нелѣпо... но очень мило, право! Славная дѣвчушка... Пришла, командуетъ... гм...

Степанъ (*смѣясь*)

Ахъ, чортъ возьми... вѣдь ловко, патронъ?

Черкунъ.

Надо поговорить со старикомъ...

(*На заборѣ появляется голова Гриши. Лицо у него испуганное.*)

Павлинъ.

Осмѣлюсь сказать — вы его вполнѣ потрясли и нарушили...

Черкунъ (*Степану*)

Это кто?

Степанъ (*усмѣхаясь*)

Мѣстный мудрецъ... и прочее, что потребуется...

Гриша.

Баринъ, эй!

Черкунъ.

Ну?

Гриша.

А онъ меня не билъ... ей Богу!

Катя (*бѣжитъ*)

Послушайте, вы! Подите сюда... Отецъ зоветъ васъ... ну, чего вы зубы оскалили? Я все знаю про васъ... У-у, рыжій!
(*Показываетъ ему языкъ и убѣгаетъ. Степанъ разражается хохотомъ. Павлинъ не знаетъ какъ отнестись къ этому. Черкунъ улыбается, идетъ на зовъ Кати. Гриша опасливо слѣдитъ за нимъ.*)

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Тотъ же садъ. Вечеръ. Солнце заходитъ. На деревьяхъ висятъ разноцвѣтные фонарики. Столъ уставленъ винами и закусками; вокругъ него, въ безпорядкѣ, разнообразныя стулья. Около стола возится Степа; Матвѣй Гогинъ, одѣтый очень чисто, открываетъ подъ деревьями бутылки пива. Въ глубинѣ сада у забора стоитъ Притыкинъ, рядомъ съ нимъ Монаховъ тихонько поигрываетъ на кларнетѣ. Въ домѣ — шумятъ. Кто-то однимъ пальцемъ наигрываетъ на піанино „Чижика" и все сбивается. Хохочетъ Исправникъ.

Матвѣй.

Я ужъ около трехъ сотенъ накопилъ...

Степа.

Какое мнѣ дѣло до этого?

Матвѣй.

Значитъ — не дуракъ...

Степа.

Я не говорила, что вы дуракъ... а вотъ вы жадный... все про деньги говорите... какъ всѣ мужики...

Матвѣй.

Что-жъ — мужики?

(*Черкунъ идетъ къ столу, вслѣдъ за нимъ Надежда.*)

Черкунъ.

Степа — дайте зельтерской! (*Надеждѣ.*) И вы захотѣли освѣжиться? Душно тамъ, да?

Надежда.

Нѣтъ... ничего...

Черкунъ.

Почему это вы такъ... странно смотрите на меня?

Надежда (*не громко*)

Что-же тутъ страннаго?

Черкунъ (*усмѣхаясь*)

Не дать ли вамъ холодной воды... зельтерской, а?

Надежда.

Нѣтъ, я не желаю...

Черкунъ (*идетъ обратно*)

Ну-съ, пойду доигрывать... (*Надежда медленно идетъ за нимъ.*)

Матвѣй (*упрямо*)

Что я мужикъ, ничего не значитъ! Степанъ Данилычъ — студентъ, онъ все знаетъ... онъ говоритъ — раньше всѣ люди мужиками были, а потомъ, которые умные — господами сдѣлались... вотъ оно!

Степа.

Отстаньте... не люблю я такихъ...

Матвѣй.

Женимся — полюбите... Я парень здоровый...

Степа (*какъ бы про себя*)

Я въ монастырь уйду...

(*Идутъ Исправникъ и Цыгановъ — оба выпивши.*)

Матвѣй (*смѣется*)

Ну, это вы врете... въ монастырь... тоже!

Исправникъ (*у стола*)

Здѣсь все прекрасно... но закуска и выпивка далеко...

Цыгановъ (*наливая вино*)

Она — эпическая женщина...

Исправникъ.

Вы все про нее?... Н-да... звѣрь! Я вотъ два года за ней ухаживаю... Мужчина не уродъ, какъ видите, военный и прочее. Вы говорите, не герой... А почему я не герой? Неизвѣстно! И, наконецъ, что такое — герой? Въ уѣздномъ городѣ и вдругъ — герой! Смѣшно...

(*Монаховъ и Притыкинъ идутъ къ столу.*)

Богаевская (*кричитъ*)

Яковъ Алексѣевичъ, — вамъ сдавать...

Исправникъ

(*идетъ съ кускомъ въ рукахъ*)

Спѣшу...

Цыгановъ (*Монахову*)

А мы вотъ все говоримъ о вашей супругѣ...

Монаховъ.

Пріятно слышать... а, что именно вы говорите, если это не секретъ?

Цыгановъ.

Хотимъ понять — что она такое? И не понимаемъ...

Притыкинъ.

Женщину очень трудно понять...

Монаховъ.

Это ты про Марью Ивановну?

Притыкинъ

(*дергаетъ его за рукавъ*)

Нѣтъ, вообще... Рѣдкіе понимаютъ женщину...

Монаховъ.

Что мнѣ нужно, я, батя, понялъ... а что не нужно, того и понимать не надо...

Притыкинъ.

Это, конечно, спокойнѣе. Опять-же всего никогда не поймешь...

Цыгановъ.

Гдѣ вы ее достали, мой другъ, а?

Монаховъ.

Въ епархіальномъ училищѣ за обѣдней замѣтилъ...

Притыкинъ.

Вонъ она идетъ... и докторъ около...

(*Смѣется, Монаховъ негромко вторитъ ему. Цыгановъ смотритъ на нихъ и усы его презрительно вздрагиваютъ.*)

Монаховъ (*Цыганову*)

А Мопассана вашего она не одобряетъ, — скучно, говоритъ, и очень все кратко! Мнѣ онъ нравится! Такія есть штучки... ой, ой!

Цыгановъ.

Надежда Поликарповна — хотите еще шампанскаго?

Надежда.

Пожалуйста... Мнѣ очень нравится оно...

Монаховъ.

Смотри, Надежда, будешь пьяной...

Надежда.

Какія грубости ты говоришь! Люди могутъ подумать, что я ужъ была пьяная. Зачѣмъ ты ходишь съ этой палкой?

Монаховъ.

А вотъ скоро играть буду.

Притыкинъ
(*беретъ Монахова подъ руку*)

Идемте, посмотримъ, какъ исправникъ козыряетъ... (*Идутъ. Монаховъ — неохотно*).

Цыгановъ
(*подаетъ бокалъ Надеждѣ*)

Вамъ не нравится кларнетъ?

Надежда.

Я гитару люблю, на ней можно играть очень трогательно. А кларнетъ всегда точно съ насморкомъ... Вы очень много пьете, докторъ...

Докторъ.

Меня зовутъ Павелъ Ивановичъ...

Цыгановъ.

Представьте! Первый разъ слышу ваше имя... странно, а?

Докторъ.

Что имя? Здѣсь души не замѣчаютъ...

Цыгановъ.

Какой вы всегда невеселый, дорогой мой Павелъ Ивановичъ...

Докторъ.

Не всякій способенъ смѣяться въ мертвецкой...

Черкунъ (*кричитъ*)

Сергѣй! Тебя зоветъ Лидія Павловна...

Цыгановъ.

Извиняюсь... Иду...

Докторъ
(*тяжело смотритъ на Монахову*)

Онъ вамъ нравится, этотъ?

Надежда.

Пріятный... говоритъ интересно и всегда чисто одѣтъ...

Докторъ (*негромко, глухо*)

Онъ — мерзавецъ. Онъ хочетъ развратить васъ... онъ это сдѣлаетъ... мерзавецъ!

Надежда (*спокойно*)

Вы всегда всѣхъ ругаете и при этомъ видно, что у васъ зубы гнилые...

Докторъ (*страстно и тоскливо*)

Надежда... я не могу видѣть тебя среди нихъ... это убьетъ меня! Голосомъ души своей говорю — уйди! Они жадные... имъ ничто не дорого... они готовы все пожрать...

Надежда (*встаетъ*)

Зачѣмъ же вы говорите на ты? Это вовсе невѣжливо...

Докторъ.

Не уходи! Послушай... ты, какъ земля, богата силой творческой... ты носишь въ себѣ великую любовь... дай же мнѣ частицу ея! Я весь изломанъ, раздавленъ страстью... Я буду любить тебя какъ огонь и всю жизнь!

Надежда.

Ахъ, Господи... ну, если вы мнѣ совсѣмъ не нравитесь! Вы посмотрите на себя — какой же вы любовникъ? Даже смѣшно это...

Докторъ.

Смотри-же... помни! Я лягу на твоемъ пути — увидишь! Одинъ уже убитъ тобой... Я буду вторымъ... Какъ только я увижу, что этотъ прохвостъ овладѣлъ тобой...

Надежда (*съ легкой досадой*)

Вы, право, очень глупый человѣкъ! Какъ это можно овладѣть мною — если я не хочу? И все

это совсѣмъ не касается васъ... Какой вы досадный... даже нестерпимо!

Веселкина (*бѣжитъ*)

Вы можете представить какая неожиданная новость? Вдругъ — пріѣхала Анна Федоровна... я ничего не понимаю! Значитъ — они не разошлись? Или снова сошлись? А какъ-же тогда Лидія Павловна? Вѣдь онъ въ нее влюбленъ...

(*Докторъ отходитъ къ столу и тяжело смотритъ на Монахову.*)

Надежда (*медленно*)

Какъ это интересно... Только я не вѣрю... что онъ влюбился въ Лидію Павловну...

Веселкина.

Что вы! Весь городъ знаетъ это...

Надежда.

Этого нельзя знать, милая, потому что это — въ сердцѣ...

Веселкина.

И въ глазахъ, и въ голосѣ...

Надежда (*задумчиво*)

А вотъ зачѣмъ она пріѣхала... его жена? Зачѣмъ? Хотя она и не опасная противница..

Докторъ.

Кому?

Надежда (*не сразу, медленно*)

А вамъ какое дѣло?

Веселкина (*доктору*)

Вы нездоровы? У васъ лицо . . .

Докторъ (*не громко, какъ эхо*)

А вамъ какое дѣло?

Веселкина.

Фу, какъ невѣжливо! Пойдемте, дорогая, посмотримъ, какъ все это будетъ . . .

(*Идутъ. Изъ за деревьевъ является Монаховъ, подходитъ къ доктору съ усмѣшкой.*)

Монаховъ.

Что, батя, а?

Докторъ.

Сто разъ я слышалъ этотъ умный вопросъ — что вы хотите знать? Ну?

Монаховъ.

Шш! Экъ вы . . . Мнѣ ничего не надо знать . . . я знаю все, что надо . . .

Докторъ (*зло*)

Вы знаете, что я . . . люблю вашу жену?

Монаховъ (*тихо, съ усмѣшкой*)

Кто этого не знаетъ, батя?

Докторъ (*хочетъ уйти*)

Ну . . . и ступайте къ чорту!

Монаховъ
(*хватаетъ его за рукавъ*)

Тс! Зачѣмъ ругаться! Мы рождены не для волненій, сказалъ поэтъ... и не люблю я ничего драматическаго...

Докторъ (*рѣзко, тихо*)

Что вамъ нужно?

Монаховъ (*таинственно*)

Что бы она — несчастье испытала... чтобы ударъ дали... но — не я! И — не вы, батя... Васъ мнѣ жалко... я вѣдь — добрый... и я вижу... все вижу! Отъ удара она мягче будетъ... несчастье — смягчаетъ... поняли, батя?

Докторъ.

Вы... пьяны? Или вы...

Монаховъ (*съ усмѣшкой*)

Выпилъ... всѣ выпили! Развѣ это непріятно? Это очень пріятно...

Докторъ (*злобно*)

Вы, просто... гадина!

(*Быстро идетъ прочь. Монаховъ подходитъ къ столу — на лицѣ его жалкая, странная улыбка. Наливаетъ вина. Бормочетъ.*)

Монаховъ.

Да... тебѣ, братъ, больно? А мнѣ — не больно?

Притыкина
(*идетъ, за ней Дроблязгинъ, Веселкина*)

Маврикій Осиповичъ, слышалъ, а?

Монаховъ.

Что именно?

Веселкина.

Къ Черкуну жена воротилась...

Монаховъ (*какъ всегда*)

Уже воротилась? Н-да... какъ-же къ этому происшествію нужно отнестись?

Притыкина.

Самъ-то не понимаешь, батюшка?

Веселкина.

Вѣдь онъ влюбился въ Лидію Павловну...

Дробязгинъ (*торопливо*)

По моему — они очень подходятъ другъ къ другу...

Монаховъ.

Вотъ и прекрасно...

Притыкина.

Что-же тутъ прекраснаго?

(*Дробязгинъ оглянулся, взялъ со стола грушу и незамѣтно ѣстъ ее.*)

Монаховъ.

Все. И что они подходятъ, и что она воротилась... и вы всѣ прекрасные люди и я хорошій человѣкъ... Главное — не надо намъ мѣшать другъ другу... (*Смѣется и идетъ*).

Притыкина.

А вѣрно — хорошій онъ... только мало понимаетъ...

Веселкина.

Ему некогда понимать, нужно за женой слѣдить...

Дробязгинъ.

Надежда Поликарповна — скромная женщина...

Веселкина.

Вы всегда все знаете! Она только и ждетъ какъ-бы влюбиться въ кого-нибудь...

Дробязгинъ.

Этого всѣ желаютъ... даже курицы...

Притыкина (*вздыхая*)

Вотъ ужъ вѣрно... всѣ желаютъ!

Веселкина.

Вы, Пелагея Ивановна, Архипа Фомича любите?

Притыкина.

Я-то его очень, да онъ-то меня не особенно... Ну, что-жъ дѣлать? сама виновата... не ходи сорокъ за двадцать... Вонъ — голова идетъ... и сама рожденница съ нимъ... очень милая женщина!

(*Идутъ Богаевская, Рѣдозубовъ съ сыномъ, Павлинъ. Дробязгинъ подтягивается, принимая скромный видъ. Гриша дѣлаетъ ему дружескія гримасы, Веселкина смѣется, видя это.*)

Павлинъ.

Я говорю ей — монастырь это, дѣвушка, не трудно, это — въ сторонѣ, а ты вотъ гнуснаго родителя твоего возьми и пригрѣй — это ноша, это, говорю, крестъ...

Рѣдозубовъ.

Слышишь, Гриша?

Гриша.

Слышу... Вѣдь я въ монастырь не хочу... чего-же?

Рѣдозубовъ.

Эхъ... дуракъ! Какъ будешь жить?

Притыкина.

Ужъ какъ все хорошо у васъ, Татьяна Николаевна! Всего то много и все вкусное, все — рѣдкое... охъ, дорогая вы моя, какъ это пріятно!

Богаевская.

Ну, я рада, коли угодила... Жарко, вотъ, очень...

Притыкина.

А вы лимонаду съ коньячкомъ... меня Сергѣй Николаевичъ научилъ лимонадъ съ коньякомъ пить... освѣжаетъ!

Рѣдозубовъ (*тоскливо*)

Татьяна Николаевна! Зачѣмъ ты меня позвала? Сидѣлъ-бы я дома... Вонъ Павлинъ говоритъ — это, говоритъ, Валтасаровъ пиръ...

Богаевская.

Оставь дѣтей и уходи, коли не нравится... А Павлинъ глупости говоритъ, хоть онъ и старикъ...

Рѣдозубовъ (*задумчиво*)

Заглоталъ онъ меня... Что хочетъ, то и дѣлаю... Это — я?!

Богаевская.

За то глупостей меньше дѣлать сталъ... Давно ужъ тебя, батюшка, слѣдовало ограничить...

Рѣдозубовъ.

Столбы сломалъ я... Семь лѣтъ за нихъ держался, сколько денегъ убилъ по судамъ...

Павлинъ.

Столбовъ — жалко! Очень украшали они улицу...

Богаевская.

Ну и врешь...

Притыкина.

Ѣздить стѣснительно было... а такъ — ничего! Всетаки каждый видитъ, каждый спроситъ, чьи столбы? И знаетъ, что вотъ въ Верхопольѣ городской голова Рѣдозубовъ...

Рѣдозубовъ.

Гришка! Чего глаза пялишь на бутылки?

Гриша.

Я такъ, папаша... Больно много ихъ...

Богаевская.

Что ты на него орешь? Самъ сдѣлалъ парня дуракомъ да самъ-же и сердится...

Рѣдозубовъ.

А... кто онъ? Никто! Ты думаешь я не вижу что дѣлается? Эти фармазоны... они варвары, они — нарушители! Они все опрокидываютъ, все валится отъ нихъ...

Богаевская (*позѣвывая*)

Видно плохо было построено...

Рѣдозубовъ.

Ты — барыня... тебѣ ничего не жалко... Вы, баре, чужими руками и дѣлали, оттого вамъ и не жаль... а мы — своимъ горбомъ... да...

Богаевская.

Да, мы не жадничали... И что нами хорошо было сдѣлано, то, батюшка мой, осталось... А вотъ умрешь и на мѣстѣ, гдѣ жилъ, останется только земля испорченная... земля ограбленная...

Рѣдозубовъ (*гнѣвно*)

Гришка! Иди прочь... Гдѣ Катерина? (*Идутъ Исправникъ и Притыкинъ*) Зови ее домой... иди! Вонъ — Архипъ идетъ... чѣмъ онъ меня лучше? А его наравнѣ со мной ставятъ... (*Идетъ прочь, Павлинъ за нимъ*).

Исправникъ.

Вообще ты, Архипъ, парень не глупый и даже плутъ... но въ картахъ...

Притыкинъ.

Да я думалъ у него — бубны...

Богаевская.

А пожалуй напрасно я старику-то наговорила... а? Вотъ... дура...

Притыкина.

Ну, дорогая моя, а онъ какъ говорилъ?

Исправникъ.

Карты требуютъ ума и вниманія...

Богаевская.

Вы лучше выпейте...

Исправникъ.

Съ наслажденіемъ! Вашъ домъ — Эдемъ, Татьяна Николаевна, и сами вы — богиня...

Богаевская.

Да, очень похожа...

Исправникъ.

А посему — желаю вамъ праздновать день вашего рожденья еще разъ пятьдесятъ!

Богаевская.

Не много ли?

Притыкинъ.

Дѣйствительно, Татьяна Николаевна... вѣрно! Въ другомъ бы мѣстѣ Рѣдозубовъ излаялъ меня, какъ собака, а у васъ — не можетъ! Потому — васъ всѣ уважаютъ... и никто, ничего не можетъ...

Богаевская (*спокойно*)

Знаютъ, что вонъ выгнать могу...

Исправникъ.

Браво!

Притыкинъ (*съ восторгомъ*)

Знаютъ!

Притыкина (*вздыхая*)

Это очень хорошо, если человѣкъ чувствуетъ, что его выгнать могутъ!

Притыкинъ
(*женѣ, значительно, задорно*)

Это вы... на счетъ кого-же?

Притыкина.

Вообще! А ты думалъ — про тебя?

Притыкинъ.

То-то.

Исправникъ.

Смирно-о! Выпили, закусили — ну-съ?...

Притыкинъ.

Въ стуколку?

Притыкина.

Въ стуколку и я буду...

Исправникъ.

Извиняюсь...

Богаевская.

Идите, батюшка, идите...

(Всѣ уходятъ. Богаевская сидитъ въ креслѣ, обмахиваясь платкомъ. Съ правой стороны доносится голосъ Степана. Матвѣй развѣшиваетъ и оправляетъ фонарики. Степанъ и Катя идутъ рядомъ. Степанъ, какъ всегда, говоритъ рѣзко и, какъ-бы, насмѣшливо.)

Степанъ.

...Тамъ горитъ великій огонь разума и всѣ честные, всѣ умные люди, видятъ при свѣтѣ его, какъ грязно и скверно устроена жизнь...

Катя (*не громко*)

Тамъ много честныхъ и умныхъ?

Степанъ (*усмѣхнулся*)

Ну... не очень... (*Богаевская тихо смѣется*) Потому-то я и говорю — идите туда! Отдайте хоть два три года вашей юности мечтамъ о новой жизни и борьбѣ за эти мечты. Бросьте частицу вашего сердца въ общій костеръ протеста противъ пошлости и лжи...

Катя (*просто*)

Я пойду...

Степанъ.

Быть можетъ вы испугаетесь, снова вернетесь въ это болото... но — будетъ у васъ, чѣмъ вспомнить юность... а это — хорошая награда за то, что вы можете дать...

Катя.

Я не ворочусь...

Степанъ.

Сюда, въ этотъ чортовъ уголъ, не долетаетъ ни звука той жизни... вы посмотрите — какъ слѣпы, глухи, глупы всѣ здѣсь...

Катя (*вздрогнула*)

Монаховъ и докторъ похожи на лягушекъ...

Степанъ.

Что вамъ дѣлать здѣсь? Ну, выйдете вы замужъ за какого нибудь купчика, вродѣ вашего брата...

(*Видитъ Богаевскую, немного смущенъ, поправляетъ фуражку.*)

Богаевская (*улыбаясь*)

Что, милый? Чего конфузитесь... Онъ хорошо говоритъ, Катюша... честно говоритъ! Ничего не обѣщаетъ — это хорошо... А когда обѣщать начнетъ — невѣрь...

Степанъ
(*грубовато, очень искренно*)

Знаете... славная вы... честное слово!

Богаевская.

Ну, ну... идите! Идите... живите! (*Степанъ и Катя уходятъ.*) Эхъ... милые вы мои человѣки... (*Идетъ Лидія, читаетъ какую-то записку, нервно двигаетъ бровями.*) Лидуша!

Лидія.

А, вы здѣсь? Надоѣли вамъ эти люди, да?

Богаевская.

Въ мои годы люди скоро надоѣдаютъ... Послушай-ка, хочу я тебѣ сказать... присядь-ка! Видишь-ли я тринадцать лѣтъ безвыѣздно прожила здѣсь... одичала я и многаго теперь не понимаю... такъ ты ужъ извини мнѣ.. ежели я что нибудь не такъ скажу...

Лидія (*кладетъ ей руку на плечо*)

Не нужно говорить объ этомъ... Вѣдь вы... по поводу моихъ отношеній къ Черкуну?

Богаевская.

Да, да... болтаютъ они тутъ... перемигиваются...

Лидія.

Что намъ они?

Богаевская.

Ну... не о чемъ и говорить! Поцѣлуй-ка меня...

Лидія (*задумчиво*)

Вотъ... если хотите... Его жена прислала мнѣ записку, въ которой сообщаетъ, что у нея нѣтъ вражды ко мнѣ... что-то въ этомъ родѣ. Какъ жалки люди, не правда-ли?

Богаевская.

Люди-то? Да-а... Ее мнѣ жалко...

Лидія (*улыбаясь*)

Надѣюсь, вы не считаете меня способной отнять у нищаго его единственный кусокъ?

Богаевская.

Ну, что ты, Лидочка! Ты — Богаевская, а этого достаточно, чтобы знать себѣ цѣну... Ну, отдохнула, пойду къ нимъ снова... Скажи — онъ нравится тебѣ...

Лидія.

Да. Интересный человѣкъ...

Богаевская.

Ужъ очень грубъ... рѣзокъ... Ну, дай Богъ счастья тебѣ...

Лидія.

О, тетя... если я захочу, я сама возьму...

Богаевская (*тихо*)

Вотъ они идутъ...

Лидія (*пожимая плечами*)

Зачѣмъ-же шептать?

(*Идутъ Анна, Монахова, Черкунъ.*)

Богаевская.

Здравствуйте, Анна Федоровна... вотъ какъ пріятно для меня — день моего рожденія и — вы пріѣхали...

Анна (*нервно оживлена*)

Поздравляю васъ... Здравствуете, Лидія Павловна! (*Лидія подаетъ руку, молча улыбаясь.*) Такъ странно мнѣ — я жила это время почти одна, въ глухомъ деревенскомъ углу, въ тишинѣ... и вотъ теперь попала прямо въ этотъ шумъ... даже голова кружится!...

Черкунъ (*хмуро*)

Ты бы отдохнула...

Анна.

Потомъ... А гдѣ-же Катя?

Надежда (*Лидіи*)

Какая Анна Федоровна миленькая стала — смотрите-ка!

Лидія.

Она всегда была такой красивой... мнѣ кажется...

Катя (*бѣжитъ*)

Пріѣхала! Ай, какъ хорошо... какъ я рада... милая... пріѣхала! Какъ похудѣла... а глаза какіе...

(*Онѣ обнимаются. Черкунъ хмуритъ брови. Надежда слѣдитъ за нимъ и Лидіей. Въ кустахъ Веселкина, Монаховъ.*)

Анна.

Какіе?

Катя.

Серьезные... безпокойные...

Анна.

Какъ ты живешь, скажи?

Катя.

Мнѣ хорошо... интересно! Я все гуляю съ Лукинымъ... отецъ меня грызетъ за это — ухъ какъ! А Лукинъ — онъ очень умный... только говоритъ со мной, какъ съ дѣвочкой... Онъ гораздо лучше говоритъ съ мужиками... Пройдемся, а?

Анна (*идетъ*)

Онъ вѣдь самъ изъ простыхъ...

(*Цыгановъ идетъ. Черкунъ смотритъ вслѣдъ женѣ, — изъ-за деревьевъ ему улыбается рожа Монахова. Вдали стоитъ докторъ. Лидія, напѣвая, чиститъ грушу.*)

Черкунъ.

Ты что-же бросилъ гостей?

Цыгановъ.

Надежда Поликарповна ушла, а вдали отъ нея — я чувствую себя не на своемъ мѣстѣ...

Монаховъ.

Какъ хорошо вы говорите комплименты... сразу и не поймешь даже...

Цыгановъ.

Благодарю за комплиментъ...

Надежда.

А вотъ Егоръ Петровичъ... никогда не говоритъ любезностей...

Черкунъ (*задумчиво*)

Я — бы хотѣлъ говорить только правду... да жалко людей... (*Лидія идетъ къ дому*).

Цыгановъ.

Это мужчина дикій, невоспитанный... не нужно обращать на неговниманія!

Надежда.

Маврикій! Что ты тамъ нашелъ?

Монаховъ.

Наука...

Надежда.

Какія гадости!

Монаховъ.

Я люблю наблюдать... занятіе поучительное и... спокойное...

Цыгановъ.

Чему же научитъ васъ паукъ, а?

Монаховъ.

А вотъ онъ поймалъ букашку и, — самъ-то маленькій, — не можетъ сладить съ ней... Посуетился около нея — къ сосѣду побѣжалъ — помоги, дескать, съѣсть...

Докторъ (*издали грубо и глухо*)

Онъ дѣйствуетъ, какъ вы, Монаховъ... совсѣмъ, какъ вы... (*Идетъ прочь*).

Цыгановъ.

Что такое?

Надежда.

О, Господи... вотъ испугалъ!

Монаховъ.

Выпилъ! Въ пьяномъ видѣ многіе философствуютъ...

(*Идетъ туда, гдѣ скрылся докторъ*).

Черкунъ.

Удивительно грубое животное этотъ докторъ!

Цыгановъ.

Вы слышите какъ говоритъ этотъ рыжій господинъ, а?

Надежда.

Правду говоритъ... и это очень хорошо... И всегда Егоръ Петровичъ говоритъ прекрасно...

Цыгановъ.

Намъ придется стрѣлять другъ въ друга, Жоржъ, я это чувствую!... Богиня моя — уйдемте прочь отъ него... онъ скверно дѣйствуетъ мнѣ на нервы... Давайте гулять по саду и говорить о любви...

Монахова (*идетъ*)

А вотъ Егоръ Петровичъ никогда не говоритъ о ней...

Цыгановъ.

Онъ — личность безстрастная...

Монахова.

Ужъ это извините... Какъ вы хорошо зовете его — Жоржъ!

(*Уходятъ. Черкунъ озабоченно колотитъ пальцами по столу и рѣзко насвистываетъ что-то. Идутъ Анна, Катя, Степанъ. Со стороны дома слышенъ торжествующій голосъ Притыкина. Ко времени, когда Анна начинаетъ говорить о дѣтяхъ, у стола являются Исправникъ, Притыкинъ. Гриша внимательно читаетъ этикетки на бутылкахъ.*)

Притыкинъ.

А я таки наговорилъ словечекъ старому чорту Рѣдозубову — будетъ онъ меня помнить. Онъ бо-

ится задѣть меня здѣсь, а я тутъ — свой человѣкъ! (*Хохочетъ.*)

Анна.

Прошло два мѣсяца, но право — точно годы я прожила! Такъ все это страшно...

Степанъ.

Да-съ... жизнь серьезная...

Анна.

Ты знаешь, Катя, — есть люди, которые съ наслажденіемъ бьютъ женщинъ... кулаками по глазамъ... по лицу, до крови... ногами бьютъ... ты понимаешь?

Катя (*не громко, не сразу*)

Я знаю. Отецъ билъ маму... Гришу бьетъ...

Анна (*тоскливо*)

О, Боже... милая моя, дитя мое!

Черкунъ.

Ты сядь... не волнуйся...

Степанъ.

Забавно мнѣ смотрѣть на васъ... вы точно вчера прозрѣли... Вѣдь вы читали, вѣроятно, какъ живутъ въ деревнѣ?

Анна.

Читала, да... но — надо видѣть... Какія страшныя дѣти есть тамъ! Они заражены... болѣзнью... глаза у нихъ тревожные, унылые, точно погребальныя свѣчи... А матери бьютъ и про-

клинаютъ своихъ дѣтей за то, что дѣти родились больными... Ахъ, если-бъ всѣ люди знали на чемъ построена ихъ жизнь!

Притыкинъ.

Мы знаемъ! Это вамъ въ диковинку, а мы очень даже хорошо знаемъ! Народъ — звѣрье... и становится все хуже... Еще бабы — смирнѣе, а мужики — сплошь арестанты!

Монаховъ.

Ну и бабы тоже! Кто тайно водкой торгуетъ?

Исправникъ.

О да! А вамъ извѣстно, какъ онѣ мужей травятъ? Испечетъ, знаете, пирожокъ съ капустой и мышьякомъ и — угоститъ, да-съ!

Катя (*горячо*)

А какъ же иначе, если они дерутся? Такъ и нужно!

Притыкина (*пугливо*)

Ахъ, милая! Вѣдь что говоритъ!

Исправникъ (*шутя*)

А вотъ за такія рѣчи васъ, сударыня...

Катя.

Не дышите на меня... ф-фу.

Анна (*растерянно*)

Но, господа, если вы знаете все это...

Черкунъ.

Не будь наивной, Анна...

Степанъ (*усмѣхаясь*)

Кого вы здѣсь думаете удивить?

Катя.

Какъ не люблю я вашу улыбку... Чему вы смѣетесь всегда?

Степанъ.

Жизнь полна преступленій, которымъ имени нѣтъ... а преступники не наказаны и все командуютъ жизнью...

(*Исправникъ беретъ подъ руку Притыкина и уходитъ съ нимъ.*)

Катя.

Ну, что-же дѣлать?

Анна.

Что нужно дѣлать?

(*Гриша оглянулся, взялъ со стола бутылку и уходитъ съ ней.*)

Степанъ.

Открывайте глаза слѣпорожденнымъ — больше вы ничего не можете сдѣлать...

Черкунъ.

Надо строить новыя дороги... желѣзныя дороги... Желѣзо сила, которая разрушитъ эту глупую, деревянную жизнь...

Степанъ.

И сами люди должны быть какъ желѣзные, если они хотятъ перестроить жизнь... Мы не сдѣлаемъ этого, мы можемъ разрушить отжившее помочь разложиться мертвому, но не мы, какъ видно, создадимъ новое, нѣтъ, не мы! Это надо понять... это сразу поставитъ каждаго изъ насъ на свое мѣсто...

Монаховъ (*Катѣ*)

А вашъ братецъ бутылку шартрезу взялъ и — видите? — пьетъ!

Катя (*убѣгая*)

Ахъ... негодяй...

Монаховъ.

Зелье крѣпкое...

Гриша (*его не видно*)

А тебѣ что? Не твое... Пошла, ну... не дамъ!

Степанъ (*идетъ на шумъ*)

Онъ еще стукнетъ ее...

Анна.

Сергѣй Николаевичъ продолжаетъ воспитывать его? Это можетъ дурно кончиться...

Черкунъ.

Ну, Сергѣй, едва-ли училъ красть бутылки...

Анна.

А пить вино? (*Оглядывается. Быстро и нервно говоритъ*) Чтобы сразу все было понятно, Егоръ, я пріѣхала къ тебѣ...

Черкунъ.

Отложимъ это до другого времени...

Анна.

Нѣтъ, подожди! Я примирилась съ мыслью, что мы съ тобой чужіе... что я чужая для тебя...

Черкунъ (*не громко усмѣхаясь*)

Чужая? Тебя со мной роднили поцѣлуи и — только?

Анна (*тоскливо*)

Нѣтъ... я не знаю! Скажу одно — мнѣ безъ тебя такъ трудно! Я такъ глупа... безсильна! Я ничего не знаю и не умѣю...

Черкунъ.

Послушай... скажи мнѣ сразу — чего ты хочешь?

Анна.

Не обижай меня! Я вѣдь не за милостыней пришла... я люблю тебя, да... очень сильно люблю, Егоръ... но я знаю — если ты рѣшилъ... это безполезно, если ты рѣшилъ...

Черкунъ (*глухо*)

Зачѣмъ другъ другу дергать нервы, Анна?

Анна.

Моя любовь — маленькая, но она мучаетъ меня... нѣтъ! не уходи! — мнѣ стыдно, что моя любовь такая... Сначала мнѣ было обидно, больно... я думала о смерти, когда уѣхала... и вдругъ увидала эту звѣриную жизнь... этихъ несчастныхъ людей...

Черкунъ (*угрюмо*)

Что я могу сказать тебѣ? Не понимаю я тебя...

Анна (*со страхомъ и мольбой*)

Я такъ безпомощна... я такая ничтожная предъ лицомъ этой жизни! Въ чемъ виноваты дѣти, скажи? Такъ нестерпимо жалко видѣть больного, избитаго ребенка, который даже плакать боится...

Черкунъ (*твердо*)

Анна — мнѣ нужно знать, чего ты хочешь?

Анна.

О... я хочу побыть около тебя еще немного... еще немного! Я не помѣшаю тебѣ... живи какъ хочешь! — но мнѣ необходимо это...

Черкунъ (*угрюмо*)

Тебѣ тяжело будетъ — смотри! (*Катя идетъ.*)

Анна (*съ блѣдной улыбкой*)

Тогда я уйду... я уйду! видишь-ли, я ничего не понимаю, я ни о чемъ не думала серьезно до этой поры... Ты долженъ научить меня...

Катя.

О чемъ ты говоришь?

Анна.

О жизни, дѣвочка моя! (*Мужу*) Ты долженъ что-то дать мнѣ взамѣнъ того, что взялъ...

Черкунъ.

Не знаю... какъ я сдѣлаю это... не знаю, Анна! Мнѣ такъ неловко...

Катя (*ворчливо*)

Ага, неловко! То-то! (*Топая ногой.*) Ухъ... ненавижу мужчинъ! Когда-нибудь я этого Лукина... такъ отщелкаю!

Анна (*съ улыбкой*)

Мнѣ вѣдь тоже неловко... и обидно, что я такая... Но — куда же я пойду, Егоръ? Въ моей семьѣ — все по старому, всѣ чувствуютъ себя правыми и все злятся, все обижаются. Старая мебель, книги, старые вкусы... холодно и мертво. Порой они вдругъ испугаются, засуетятся и говорятъ со злобой и со страхомъ, что жизнь испорчена... и снова, какъ въ чаду, живутъ въ своихъ воспоминаніяхъ о старинѣ... (*Къ столу подходятъ Цыгановъ и Надежда. Цыгановъ наливаетъ лимонада, себѣ — вина.*) Я отвыкла отъ нихъ, они мнѣ непонятны...

Цыгановъ.

Съ вами, моя дорогая, пріятно и страшно какъ надъ пропастью...

Надежда.

Какъ вы много пьете!

Катя.

Вы помирились?

Черкунъ.

Не говори ей, Анна. Пускай она умретъ отъ любопытства...

Катя.

Да вѣдь я вижу... Эхъ, кабы вы были моимъ мужемъ... я бы васъ — вотъ какъ держала! (*Крѣпко сжимаетъ кулакъ.*)

Черкунъ.

Ну, не пугайте меня...

Анна.

Милая ты моя...

(*За деревьями является Монаховъ*).

Цыгановъ.

Какъ злитъ меня, что вы неуязвимы для яда, который я хотѣлъ-бы вамъ привить... какъ это жаль...

Анна (*быстро*)

Пойдемъ отсюда, Катя... (*Ведетъ ее за руку*).

Катя.

Только не въ комнаты! Въ бесѣдку...

Черкунъ

(*усмѣхаясь идетъ къ дому*)

Ты слишкомъ откровенно ведешь свои дѣла, Сергѣй...

Цыгановъ.

Міръ можетъ восхищаться ими, если хочетъ . . .

Надежда (*задумчиво*)

Жоржъ . . . милое имя! Маврикій! ты чего тамъ?

Монаховъ
(*является, кивая головой на столъ*)

А вотъ . . . сюда!

Надежда.

Какъ нехорошо это вертѣться на глазахъ . . .

Монаховъ (*кротко*)

Ты чего ворчишь? Опять животъ болитъ? Или мозоль?

Надежда (*Цыганову*)

Вы понимаете — это онъ нарочно грубости и гадости говоритъ, чтобы отвратить отъ меня мужчинъ . . .

Цыгановъ.

Да? Пріемъ . . . любопытный . . .

Надежда (*искренно и просто*)

Ахъ, если-бы вы знали, какой это противный человѣкъ! То онъ говоритъ, что у меня изо рта пахнетъ . . .

Монаховъ (*тревожно*)

Ну что ты, Надя? Кому-же я говорилъ . . .

Надежда (*идетъ къ нему*)

Напомнить? Я напомню . . .

Монаховъ (*отступаетъ*)

Ну вотъ, Надя... что такое? Я пошутилъ...

(*Они скрываются въ деревьяхъ. Цыгановъ устало садится въ кресло, лицо у него тоскливое. Къ столу подходятъ Дробязгинъ и Гриша.*)

Дробязгинъ.

Сергѣй Николаевичъ! Позвольте васъ спросить — что такое тайные пороки...

Цыгановъ.

Я вамъ не скажу этого мой другъ... предпочитая видѣть васъ явно порочнымъ... Это значительнѣе и красивѣе...

Дробязгинъ.

А добродѣтели тайныя бываютъ?

Цыгановъ.

Онѣ всегда таковы... я не видалъ явныхъ добродѣтелей...

Гриша.

А какъ оно называется... это зеленое, густое... которое первый-то разъ вы мнѣ поднесли... помните?

Цыгановъ.

Шартрезъ, юноша...

(*Гриша повторяетъ въ полголоса и улыбается. Въ саду Матвѣй зажигаетъ фонарики.*)

Дробязгинъ.

А кто, Сергѣй Николаевичъ, мудрѣйшій изъ мудрецовъ?

Цыгановъ.

По этому поводу въ исторіи философіи разсказано слѣдующее: было три мудреца, первый доказывалъ, что міръ есть мысль, другой утверждалъ противное... я, право, не помню, что именно. Но я навѣрное знаю, что третій соблазнилъ жену перваго, укралъ у втораго рукопись, напечаталъ ее какъ свою, и его увѣнчали лаврами...

Гриша (*съ восторгомъ*)

Ло-овко!

Дробязгинъ (*неувѣренно*)

Н-да... дѣйствительно... подкузьмилъ!

Цыгановъ.

И объегорилъ, прибавьте... А теперь давайте выпьемъ, и да здравствуетъ юность! Поздно понимаетъ человѣкъ, какъ это прекрасно — быть юношей!

(*Лидія стоитъ съ цвѣткомъ въ рукахъ и брезгливо смотритъ какъ мужчины пьютъ.*)

Дробязгинъ (*задумчиво*)

Я полагаю, Сергѣй Николаевичъ, такъ, что воровство — всегда будетъ?

Цыгановъ.

Непременно, мой другъ... По крайней мѣрѣ до той поры, пока кто нибудь не украдетъ все... понимаете — все! Тогда красть будетъ нечего и поневолѣ всѣ люди станутъ честными...

Гриша (*хохочетъ*)

Голыми всѣ будутъ... А вотъ Емелька Пугачевъ хотѣлъ все-то украсть, такъ его живьемъ

сварили... растопили котелъ серебра да башкой его туда... издохъ! (*Хохочетъ.*)

Лидія.

Дядя Сержъ!

Цыгановъ.

Что вы мнѣ прикажете, дорогая моя? (*Дроблязгинъ и Гриша почтительно сторонятся и уходятъ.*)

Лидія.

Зачѣмъ это вы ихъ... такъ?

Цыгановъ.

Пріятно, знаете, немножко развратить этихъ двухъ поросятъ... можетъ быть порокъ сдѣлаетъ ихъ болѣе похожими на людей... а?

Лидія.

Сержъ Цыгановъ, гурманъ и левъ, еще недавно законодатель модъ — напивается съ почтальономъ...

Цыгановъ.

И влюбленъ въ жену акцизнаго надзирателя... Да, земля вертится скверно, что-то испортилось въ гармоніи вселенной...

Лидія.

Въ самомъ дѣлѣ — что съ вами?

Цыгановъ (*не громко*)

Какая это женщина... чортъ возьми!

Лидія.

Вы дурите?

Цыгановъ

Нѣтъ...

Богаевская (*кричитъ*)

Сергѣй Николаевичъ!

Цыгановъ.

Иду! Иду! Знаете моя дорогая... я, можетъ быть, предложу ей вступить со мной въ законный бракъ... мнѣ уже пора въ бракъ, какъ острятъ приказчики... Идете?

Лидія.

Нѣтъ... Тяжело смотрѣть на васъ, господа... уѣхать хочется отсюда...

Цыгановъ.

Потому что кто-то неожиданно пріѣхалъ?

Лидія.

Зачѣмъ-же быть вульгарнымъ и со мной?

(*Цыгановъ пожалъ плечами и уходитъ. Лидія, тихо напѣвая, идетъ направо. На встрѣчу ей, быстро — Анна*).

...

Анна.

Вы получили мою записку?

Лидія.

Зачѣмъ вы написали это?

Анна.

Я васъ обидѣла?

Лидія.

Вы унижаете себя... мнѣ кажется...

Анна.

Ахъ, развѣ это важно, если любишь!

Лидія.

Вы хотите сказать мнѣ что-то?

Анна (*тревожно и тоскливо*)

Да. Да. Не презирайте меня... я сама себѣ противна въ эту минуту... У меня нѣтъ другого мѣста, вы понимаете, нѣтъ у меня другого мѣста... жизнь такъ огромна! Я могу жить только около него...

Лидія (*холодно*)

Зачѣмъ мнѣ это нужно знать?

Анна.

Не говорите такъ. Сильные должны быть добрыми... не будьте гордой! Я хочу спросить васъ и не могу... вы знаете, о чемъ я хочу спросить васъ?...

Лидія.

Да. Пожалуй знаю... Люблю ли я вашего мужа, это? Нѣтъ. Не люблю...

(*Гриша осторожно подходитъ къ столу, беретъ бутылку вина и исчезаетъ.*)

Анна.

Правда? (*Хватаетъ ее за руку*) А — онъ? А онъ васъ, скажите!

Лидія.

Не знаю. Не думаю...

Анна (*тоскливо*)

Этого нельзя не знать!...

Лидія.

Мы съ нимъ друзья... о многомъ говоримъ...

Анна (*гордо*)

А! Теперь я сама могу поговорить о многомъ!

Лидія (*улыбаясь*)

Вотъ и прекрасно!

Анна.

Такъ вамъ не кажется, что онъ васъ любитъ? Вы этого не чувствуете, нѣтъ? Ахъ, я готова благодарить васъ...

Лидія.

Не надо такъ!...

Анна.

Я—женщина, я люблю, я хочу быть съ нимъ...

Лидія.

Могу уйти?

Анна (*искренно*)

Я вамъ противна, да? Что-жъ дѣлать? Поймите — я не могу жить иначе...

Лидія.

Простите меня... но мнѣ кажется ваша... такая любовь — тяжела ему!

Анна.

Онъ — сильный, онъ очень сильный!

Лидія.

До свиданья! (*Идетъ.*)

Анна.

Не презирайте меня... ну, все равно! О, Господи... помоги мнѣ... помоги мнѣ!..

(*Идутъ Исправникъ и Притыкинъ, оба сильно выпившіе. Анна, замѣтивъ ихъ, поспѣшно исчезаетъ.*)

Исправникъ.

Представь, Архипъ, что ты исправникъ и тебѣ надо жениться... на комъ? Вотъ вопросъ... да!

Притыкинъ.

Я-бы во всякомъ положеніи на богатой женился...

Исправникъ.

Это разумѣется... Ну, а если онѣ обѣ богаты, и Монахова и Лидія Павловна? Ну?

Притыкинъ.

Я-бы Лидію Павловну взялъ...

Исправникъ.

Н-да... а почему?

Притыкинъ.

Потому — Монахова замужемъ... А вотъ студентъ этотъ знаете... я вамъ скажу...

Исправникъ.

Чортъ съ нимъ! Мальчишка... Она замужемъ... мм... это вѣрно! Но вѣдь она можетъ быть вдовой...

Притыкинъ.

Это всякая женщина можетъ...

Исправникъ (*пораженъ*)

Именно... всякая! Ф-фу! Значитъ — всѣ мы умремъ... ты понимаешь?

Притыкинъ.

Ужъ такое положеніе.

Исправникъ.

Вѣрно — положеніе! Это ты хорошо сказалъ... каналья! Положатъ тебя и — лежи...

Притыкинъ.

Онъ такіе слова говоритъ... ой-ой!

Исправникъ (*задумчиво*)

Другіе люди ѣздятъ на охоту, играютъ въ карты, а ты — лежи...

Притыкинъ.

Вы обратите вниманіе... да! Онъ говоритъ, — народъ своей кровью...

Исправникъ.

Ерунда! (*Дробязгинъ бѣжитъ*).

Притыкинъ.

Нѣтъ... онъ язва!

Дробязгинъ.

Яковъ Алексѣевичъ — пожалуйте! Докторъ Монахову въ морду далъ!

Исправникъ.

Что такое? Почему?

Дробязгинъ.

Неизвѣстно...
(*Втроемъ идутъ къ дому. За деревьями является Дунькинъ мужъ, одичавшій отъ пьянства, оборванный. Черкунъ ведетъ за руку Доктора, сзади идетъ Монахова и — потомъ Степа*).

Черкунъ.

Вы сейчасъ-же уйдете...

Докторъ (*реветъ*)

Кто вы такой? Вы здѣсь развратили всѣхъ...

Черкунъ (*тихо*)

Ну... молчать! Стыдитесь...

Докторъ.

Вы оба — воронье... я вамъ не падаль... меня не расклюете, какъ Рѣдозубова...

Черкунъ.

Да, ну идите-же! (*Ведетъ его въ глубину сада*).

Монахова (*радостно Степѣ*)

Ты видѣла какъ онъ его? Какой прекрасный... храбрый! Какъ просто... схватилъ, увелъ...
(*Идетъ вслѣдъ за Черкуномъ*).

Степа (*кричитъ*)

Егоръ Петровичъ! (*Надеждѣ*) Скажите ему — Татьяна Николаевна и барыня безпокоятся... (*Видитъ отца — испугана и обозлилась*). Опять при-
... опять! Зачѣмъ? Чего тебѣ?

Дунькинъ мужъ.

Степанида! Я твой отецъ... вѣрно? Иди ко мнѣ...

Степа.

Я не хочу! Уйди! Я не пойду...

Дунькинъ мужъ.

А я тебя черезъ полицію...

Степа.

Въ могилу, въ монастырь уйду... (*Идутъ Черкунъ, Монахова, Анна, Лидія, Цыгановъ.*) Слышалъ? Ты не отецъ мнѣ... ты болѣзнь моя...

Черкунъ.

Ты снова? Чего тебѣ?...

Дунькинъ мужъ.

За ней... за этой...

Степа.

Онъ по душу мою пришелъ...

Анна.

Уйдите, Степа...

Черкунъ.

Ну, ты ступай вонъ...

Дунькинъ мужъ.

Ужъ ежели... отняли дочь... дайте хоть рубль!

Степа

(*выхвативъ изъ кармана деньги, бросаетъ ихъ на землю.*)

На! Подавись! На! На... (*бѣжитъ прочь.*)

Черкунъ.

Послушай, если ты...

Надежда.

Ахъ, ну зачѣмъ вы съ нимъ говорите?

Черкунъ.

Позвольте, Надежда Поликарповна...

Надежда.

Вамъ вовсе нельзя говорить съ такимъ. Ты — уходи. А завтра я скажу исправнику, чтобы онъ тебя уничтожилъ...

Дунькинъ мужъ (*подбирая деньги*)

Нельзя меня уничтожить... не боюсь я...

Цыгановъ.

Каковъ мужчина, а? Все растетъ...

Лидія.

Чувствуетъ свою силу... силу слабости...

Анна.

Вотъ вы Сергѣй Николаевичъ, постоянно даете ему...

Цыгановъ.

О, не безпокойтесь! Это меня не раззоритъ...

Надежда (*Черкуну*)

Какой сегодня тяжелый день для васъ... все непріятности!...

Анна (*невольно, какъ эхо*)

Тяжелый... Ты усталъ, Егоръ?

Черкунъ.

Я вотъ... незнаю, что нужно сдѣлать съ этимъ человѣкомъ, чтобъ онъ оставилъ дочь свою въ покоѣ? Это злитъ.

Надежда.

Вамъ ничего не надо дѣлать! Я сама... вы только не волнуйтесь...

Цыгановъ.

Моя дорогая — вашъ супругъ, вотъ кто, мнѣ кажется, взволнованъ...

Надежда (*какъ бы удивилась*)

Онъ?

Черкунъ (*вдругъ обозлился*)

Онъ — какъ лужа грязи, въ которую наступили ногой... вашъ супругъ...

Анна (*не громко, пораженная*)

Егоръ... что ты?

Цыгановъ (*усмѣхаясь*)

Ты, Жоржъ, преувеличиваешь...

Черкунъ (*Надеждѣ*)

Я удивляюсь — какъ вамъ не стыдно терпѣть около себя такого... пошляка!

Надежда

(*даже дыханіе у нея захватило отъ восторга*)

Ахъ... какъ вы это сказали! Какъ вѣрно... строго... (*Цыганову*) Вотъ кто страшный... вотъ кто!

Анна (*безпокойно Лидіи*)

Боже мой... какая она... странная... не правда-ли? Вы видите?

Лидія.

Да... вижу... Идемте?

Надежда.

Я — не странная... я мужество люблю...

Черкунъ (*смущенъ*)

Ну... это ужъ что-то... я не понимаю! Пойду... пройдусь...

Надежда.

И я съ вами... и я тоже... (*Идутъ*).

Анна (*тревожно Цыганову*)

Она — смѣшная, да? Она — милая, я понимаю... но — только... плохо воспитана?

Цыгановъ.

Моя дорогая... вамъ надо отдохнуть съ дороги, серьезно! Такъ шумно здѣсь... пестро...

Анна.

Да... я пойду... Нѣтъ... какая она... все таки...

(*Анна поспѣшно уходитъ. Цыгановъ куритъ и улыбается. Слышенъ пьяный смѣхъ и говоръ — это идутъ Монаховъ, Дробязгинъ, Гриша*).

Лидія (*брезгливо*)

Какъ все это отвратительно... И эта женщина... обѣ эти женщины... какъ онѣ жалки... Что вы смѣетесь?

Цыгановъ.

А вдругъ она нашла героя, а?

Лидія (*не сразу*)

Нѣтъ. Это... невѣроятно, дядя Сержъ!

Цыгановъ (*усмѣхаясь*)

Бѣдный дядя Сержъ! Что тутъ невѣроятнаго?

Монаховъ

Онъ... ударилъ меня?... Хорошо... пускай!... А я — живъ... А онъ скоро сдохнетъ...

Лидія.

Идутъ пьяные... я ухожу — идете?

Цыгановъ.

Иду...

Гриша (*убѣжденно*)

Я тоже... могу въ рожу дать... во!

Лидія.

Но — зачѣмъ, зачѣмъ онъ вмѣшивается въ эту... грязь?

Цыгановъ.

Грязь, вы сказали? Это — стихія... она втягиваетъ... это — какъ магнитъ, дорогая моя... Здѣсь... голодный, жадный инстинктъ чуть прикрытый ветошью романтики...

(*Они уходятъ. Монаховъ подмигиваетъ своимъ спутникамъ и грозитъ пальцемъ вслѣдъ Цыганову*).

Дробязгинъ.

Почему? Онъ очень умный... ей Богу!

Монаховъ.

Что такое умъ?

(*Хохочетъ. Дробязгинъ и Гриша вторятъ ему*).

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Большая, уютная комната. Въ лѣвой стѣнѣ — дверь въ прихожую и два окна, въ право — дверь въ комнату Анны и другая къ Егору. Прямо — широкія двери въ гостинную, она выступаетъ въ комнату угломъ, между нимъ и голландской печью въ правомъ углу — ниша, въ ней широкій диванъ, на диванѣ полулежитъ Цыгановъ и куритъ. Направо, между дверей піанино, Анна что-то играетъ, чуть касаясь клавишъ. По серединѣ комнаты за столомъ Богаевская раскладываетъ пасьянсъ. Въ комнатѣ Черкуна. Степанъ тихо щелкаетъ на счетахъ. Черкунъ задумчиво ходитъ по комнатѣ, останавливается предъ окномъ, смотритъ во тьму. Вечеръ. Горятъ лампы.

Богаевская.

Холодновато!

Анна.

Дать вамъ шаль?

Богаевская.

Лидуша пошла за ней...

Цыгановъ.

Юноша! Бросьте вы щелкать!

Степанъ

А вотъ поймаю — брошу...

Богаевская.

Кого это вы ловите?

Степанъ.

Купца Притыкина...

Богаевская.

Развѣ — плутуетъ?

Степанъ.

Довольно усердно...

Богаевская.

Да... вотъ онъ, купецъ! Даже и влюбленный — плутуетъ...

Цыгановъ.

Сіе свойственно людямъ всѣхъ сословій... Я, въ сущности, противъ обличенія мошенниковъ — это только изощряетъ ихъ пріемы. Что ты все ходишь, Егоръ, кого ты ждешь?

Черкунъ (*не вдругъ*)

Такъ... хожу, вотъ... а что тебѣ?

Цыгановъ

Я не имѣю больше вопросовъ, какъ говорятъ прокуроры... Какая дурацкая погода!

Анна.

Его взволновалъ споръ...

Черкунъ (*сухо*)

Откуда это извѣстно тебѣ?

Анна.

Мнѣ кажется... когда не соглашаются — это раздражаетъ...

Черкунъ (*насмѣшливо*)

Да? Поздравляю... очень оригинальное наблюденіе...

Анна (*обижена слегка*)

Не могутъ же всѣ люди быть оригинальными.

Богаевская.

Интересно спорили... да! Я хоть и не поняла ничего... а интересно!

Черкунъ.

Лидія Павловна — слишкомъ прямолинейна...

Цыгановъ.

Это говоришь ты?

Богаевская.

А скучно мнѣ будетъ, когда вы уѣдете... очень скучно!

Цыгановъ.

Поѣзжайте съ нами. Что вамъ дѣлать здѣсь?

Богаевская.

А тамъ? Мнѣ, батюшка, вездѣ нечего дѣлать... И всю жизнь я ничего не дѣлала...

Цыгановъ.

И ни одной ошибки?

Богаевская (*мѣшая карты*)

И ни одной ошибки... Нѣтъ, Анна Федоровна, не вышло...

Анна (*грустно*)

Нѣтъ?... Жаль... А мнѣ такъ хотѣлось, чтобъ вышло...

Богаевская.

А вотъ мы еще разъ спросимъ судьбу...

Степанъ (*торжественно — шутливо*)

Судьбу насиловать нельзя...

Черкунъ (*не громко*)

Она сама насилуетъ людей...

Степанъ.

А особенно жадныхъ...

Богаевская.

А вы — щелкайте, щелкайте...
(*Лидія входитъ, несетъ шаль*).

Цыгановъ.

Пока судьба васъ не отщелкала...

Богаевская.

Ну, вотъ спасибо, Лидуша... Ты слышала — у Архипа Притыкина романъ съ Веселкиной Маріей...

Лидія.

Какъ это интересно, тетя!

Богаевская.

Все-таки... забавно!

Цыгановъ.

Васъ, дорогая моя, ничто не интересуетъ, кромѣ верховой ѣзды... Странно вы живете... скачете верхомъ по полямъ во всякую погоду и — только! Удивительно измѣнились вы...

Лидія.

Въ дурную сторону?

Цыгановъ.

Конечно! Люди съ дѣтства идутъ только въ эту сторону...

Лидія.

Тогда — чему-же удивляться?

Цыгановъ.

Я ждалъ, что вы будете прекраснымъ, ядовитымъ цвѣткомъ на нивѣ порока... а вы — что такое вы? Чего вы ищете? Чего вамъ хочется?

Лидія.

Найду — узнаете...

Степанъ.

Не тамъ вы ищете, гдѣ надо... не тамъ!

Цыгановъ.

Именно! Вы правы, юноша...

Степанъ.

Конечно, старецъ...

Богаевская.

Однако, батюшка, быть можетъ, я стѣсняю ваше краснорѣчіе?

Цыгановъ.

О, нѣтъ! Почему?

Богаевская.

То-то! А то нѣкоторые стѣсняются говорить пошлости при мнѣ... дескать старушка почтенная...

Степанъ.

Ловко!

Лидія.

Ты слишкомъ строга, тетя... Въ обществѣ, гдѣ я вращалась, говорятъ хуже...

Богаевская.

Хуже? Ну; извиняюсь... одичала я...

Цыгановъ.

О, полноте! (*Вбѣгаетъ Катя.*)

Степанъ (*вскакивая*)

Ну? Какъ? Что?

Катя.

Да... Ѣду...

Степанъ (*одобрительно*)

Браво! Молодецъ...

Катя (*подходитъ къ Аннѣ*)

Тяжело! Онъ плачетъ... отецъ плачетъ! Такой жалкій...

Степанъ.

Это — возмездіе! Онъ всю жизнь давилъ людей...

Катя (*топая ногой*)

Не смѣйте такъ! Не ваше дѣло...

Анна.

Ну, не волнуйся... ничего...

Цыгановъ.

Это именно его дѣло... вѣдь онъ васъ утащилъ...

Катя.

Меня никто не утащилъ, я — сама... Не говорите мнѣ глупостей... А отца мнѣ жалко... я его люблю... Я знаю — онъ грубый, онъ жестокій... и всѣ такіе! Всѣ люди — грубые и жестокіе... И вы, Степанъ Даниловичъ... и вы тоже...

Степанъ (*вспыхнулъ, усмѣхается*)

Можетъ быть... ну, что-же? Но жизнь такъ устроена, что жестокость необходима...

Катя.

Ненавижу я вашу усмѣшку... молчите!

Анна.

Успокойся-же... идемъ ко мнѣ! (*Ведетъ ее въ свою комнату.*)

Черкунъ (*улыбаясь*)

Милый звѣренышъ...

Цыгановъ.

А у васъ, юноша, сварливая будетъ жена...

Степа (*входитъ*)

Степанъ Даниловичъ...

Степанъ (*брезгливо*)

Вы не можете безъ пошлостей...

Черкунъ (*съ гримасой*)

Господа!

Степа.

Степанъ Даниловичъ, васъ спрашиваетъ Гогинъ...

(*Степанъ, круто повернувшись, идетъ въ прихожую, Степа за нимъ.*)

Цыгановъ.

Задорный юноша... Чему вы улыбаетесь Лидія Павловна...

Лидія.

Хорошая пара...

Черкунъ.

Д-да... славные...

Лидія.

Красивая жизнь впереди у нихъ...

Цыгановъ.

Но, вѣроятно, голодная...

Лидія.

Мнѣ нравится Лукинъ... Въ немъ есть что-то значительное... Онъ похожъ на раскаленное до бѣла желѣзо...

Цыгановъ.

Его усмѣшка отрицаетъ васъ...

Лидія.

Она всѣхъ отрицаетъ...

(*Изъ прихожей идетъ, усмѣхаясь, Степанъ. За нимъ Гогинъ, одѣтый въ хорошую новую поддевку. Онъ мнется и что-то шепчетъ на ухо Степану.*)

Степанъ.

Э, нѣтъ, скажите сами, синьоръ...

Черкунъ.

Что такое? Что вамъ нужно, Гогинъ?

Матвѣй (*конфузится*)

Да, вотъ... жениться хочу...

Цыгановъ.

Оригинально! Какъ это вы надумали, а?

Матвѣй.

Ужъ такъ... пора! Двадцать три года мнѣ...

Черкунъ.

Ну? Что-же дальше?

Матвѣй.

Такъ вотъ, Егоръ Петровичъ, помогите! Заслужу!... Какъ я самъ изъ мужиковъ, то знаю всѣ больныя мѣста ихнія... ужъ я имъ не дамъ...

Степанъ.

Воспитали человѣка... отечеству на пользу...

(*Катя и Анна выходятъ и стоятъ у піанино.*)

Черкунъ (*хмуро*)

Чѣмъ — помочь?

Матвѣй.

Да видите... выбралъ я Степаниду, а она не хочетъ... Не пойду, говоритъ, и шабашъ!... А она такая скромная, баловать не станетъ, я ожидаю, а бояться будетъ... Такъ вотъ я просить васъ и барыню хочу — припугните вы ее!

Черкунъ.

Это... зачѣмъ-же?

Матвѣй.

А чтобы она шла за меня, а то, скажите ей — къ отцу, молъ, отправимъ! Она его до смерти боится. А я ему ужъ полтину дамъ, чтобы онъ ее, значитъ, ко мнѣ толкнулъ...

Катя (*изумленно*)

Ахъ, какой мерзавецъ!

Матвѣй (*вздрогнулъ*)

Чего-съ?

Черкунъ (*сухо — Степану*)

Выдайте ему расчетъ...

Матвѣй (*пораженъ*)

Расчетъ? Мнѣ? За... за что?

Степанъ.

Подумайте — за что-бы?

Черкунъ.

Идите...

Матвѣй (*опускается на колѣни*)

Егоръ Петровичъ...

Черкунъ (*рѣзко*)

Встать!

Матвѣй (*вскакиваетъ*)

Сергѣй Николаевичъ... за что-же?

Катя (*торжествуетъ*)

Ага-а?

Матвѣй (*слезливо*)

Что я худого сдѣлалъ? Эхъ, Степанъ Даниловичъ... подвели вы меня подъ обухъ...

Цыгановъ.

Вы — идите... Потомъ, можетъ быть...

Черкунъ (*спокойно*)

Ничего не можетъ быть...

Матвѣй (*уходя со Степаномъ*)

Господа... напрасно это! Развѣ такъ можно? а? Вдругъ, ни съ того, ни съ сего... а?

Цыгановъ (*Черкуну*)

Мнѣ не кажется, что ты поступилъ какъ Соломонъ... Денегъ онъ уже наворовалъ... зачѣмъ гнать его? Парень неглупый... и кулакомъ будетъ, все равно...

Степа
(*вбѣгаетъ и бросается въ ноги Черкуну*)

Егоръ Петровичъ... дай вамъ Богъ...

Черкунъ.

Э, чортъ возьми... сейчасъ-же встаньте!

Степа (*встаетъ*)

Я — боялась, я дрожала... думала — отдадутъ они меня ему!...

Катя.

Какая глупая...

Анна.

Степа! Васъ никто не можетъ...

Степа (*со страхомъ*)

Да вѣдь я — одна! Во всемъ мірѣ — одна я! Со мной — все можно сдѣлать... И возьмутъ они меня... отецъ и этотъ, они возьмутъ!

Анна (*подходитъ къ ней*)

Полноте, Степа...

Степа.

Уйду въ монастырь... оттуда не достанутъ... вѣдь не достанутъ?!

Анна (*уводитъ ее къ себѣ*)

Идите ко мнѣ...

Катя (*Черкуну*)

Вотъ это вы хорошо сдѣлали! Такъ и нужно... Разъ, два — шишка на лбу, и никакого удовольствія...

Черкунъ.

Наконецъ-то удостоился вашей похвалы...

Цыгановъ (*позѣвывая*)

Который жаждалъ такъ трепетно и долго...

Черкунъ.

Но когда вотъ такъ — разъ-два — я вашего папашу поучилъ...

Катя

(*убѣгая въ комнату Анны. Анна идетъ навстрѣчу, наливаетъ стаканъ воды и уходитъ.*)

Ишь вы! То — отецъ мой...

Анна.

Какъ хорошо ты поступилъ, Егоръ...

Черкунъ (*морщится*)

Ну, Анна, перестань...

Цыгановъ.

Такъ, Жоржъ! Именно скромность всего приличнѣе герою...

Лидія.

Нѣтъ, дядя Сержъ, какъ быстро слѣдуетъ за подвигомъ награда...

Анна (*уходя*)

Какъ вы не устаете, господа, осмѣивать все на свѣтѣ?

Черкунъ (*хмуро*)

Вы, кажется, думаете, что я не способенъ вѣрно оцѣнить все это? да?

Лидія (*прислушиваясь*)

Звонокъ?

Черкунъ (*быстро*)

Да... Пойду открою... (*Идетъ*).

Цыгановъ.

А я знаю, кого онъ хочетъ встрѣтить...

Лидія.

Ты что молчишь, тетя?

Богаевская.

Нельзя-же въ одно время думать и говорить... у меня тутъ затрудненіе...

Цыгановъ.

А я знаю, кого онъ ждетъ...

Богаевская.

Откуда-то явилась пятая дама и нѣтъ девятки...

Лидія.

Вотъ девятка... а это не дама — валетъ...

Богаевская.

Воистину такъ... ишь ты? Глаза-то... валетъ... ну-съ...

Цыгановъ (*поетъ*)

А я знаю... а я знаю...

Лидія.

Не остроумно, дядя Сержъ... Тетя — ты скоро пойдешь къ себѣ? Это очень вредно — такъ долго сидѣть...

Богаевская (*озабоченно*)

Подожди... я сейчасъ... да... я — скоро... (*Идутъ Черкунъ, Исправникъ.*)

Черкунъ.

Все еще не нашли?

Исправникъ (*уны го*)

Нѣтъ. Чортъ его знаетъ, гдѣ онъ... И куда можно убѣжать изъ этого города? Добрый вечеръ, Лидія Павловна... здравствуйте, почтенная Татьяна Николаевна... (*Молча жметъ руку Цыганова.*)

Богаевская (*не глядя на него*)

Ну, что вашъ почтальонъ?

Исправникъ.

Пропалъ, каналья... Ищемъ, ищемъ... въ горлѣ пересохло...

Цыгановъ.

Послѣднему могу помочь. (*Наливаетъ вина.*) Да, сколько онъ укралъ?

Исправникъ.

463 р. 32 к., казенный пакетъ... болванъ! Ужъ тащилъ бы все, тамъ тысячъ восемь было... А то — казенный пакетъ — оселъ! Кто-же воруетъ казенныя деньги сотнями? И наконецъ — ну, укралъ... ну, что же? Не рѣдкость... не убійство! Приди и скажи, вотъ я... получишь за это смягченіе вины... а онъ, извольте видѣть, скрылся... и девять человѣкъ ищутъ его...

Черкунъ.

Несчастный мальчишка...

Богаевская
(*не отрываясь отъ картъ*)

И укралъ, какъ нищій... съ копѣйками!

Цыгановъ.

Браво, Татьяна Николаевна...
(*Лидія и Черкунъ смѣются.*)

Исправникъ (*смотритъ на часы*)

Я, видите-ли, заѣхалъ сказать вамъ, Сергѣй Николаевичъ... это самое... и прочее... Вы его видѣли въ день совершенія кражи... такъ вотъ придется вамъ...

Цыгановъ (*серьезно*)

Понимаю. На меня падаетъ подозрѣніе въ соучастіи...

Исправникъ.

Э... какъ? (*Хохочетъ*) Ну — насмѣшилъ... Ахъ вы! Какъ хочется посидѣть у васъ... а надо ѣхать... Тамъ такой-то дуракъ жену избилъ...

Богаевская (*какъ раньше*)

До смерти?

Исправникъ.

Кажется до смерти... А гдѣ-же Притыкинъ? Онъ со мной пріѣхалъ... Мы думали нѣсколько повинтить...

Черкунъ.

Онъ занятъ съ Лукинымъ...

Исправникъ (*грустно*)

... а на дорогѣ полицейскій доложилъ объ этой дракѣ... Да, вотъ еще Лукинъ... Вы бы сказали ему, чтобы онъ... воздержался! Про него ходятъ слухи... насчетъ его знакомствъ съ рабочими на фабрикахъ... ну, зачѣмъ это? Конечно теперь мода на безпорядки и разныя, тамъ, забастовки... но у насъ это не нужно! И тутъ, знаете, есть такой благочестивый мужчина — Головастиковъ... купоросъ! Сами его боимся... Все знаетъ! Сны ваши, и тѣ знаетъ... А мнѣ не хочется прибѣгать къ мѣрамъ... Не люблю непріятностей!

Цыгановъ.

Хорошо! Беру это на себя... Кому пріятны непріятности?

Исправникъ.

Вотъ именно! Ну-съ — общій поклонъ... Ахъ, Сергѣй Николаевичъ, славный вы человѣкъ...

Цыгановъ (*провожая его*)

Не смотря на тяготѣющее подозрѣніе въ соучастіи съ Порфиріемъ Дробязгинымъ, укравшимъ 32 казенныхъ копѣйки?

(*Исправникъ хохочетъ. Изъ прихожей доносится слащавый голосъ Притыкина и ѣдкіе возгласы Степана*).

Черкунъ (*негромко — Лидіи*)

Какъ это вамъ нравится, а?

Лидія.

Вы по поводу Лукина?

Черкунъ.

О, нѣтъ! Это естественно... а вотъ этотъ Дробязгинъ... чортъ его возьми! Какъ-бы ему помочь, что-ли? Вѣдь если правду говорить — Сергѣй... вы понимаете?

Лидія (*улыбаясь*)

Вы скоро будете совсѣмъ почтеннымъ человѣкомъ... право!

Черкунъ (*серьезно*)

Онъ развратилъ мальчишку... это несомнѣнно! Чему-же вы смѣетесь?

Лидія.

А помните — когда-то вы хотѣли поставить городъ верхъ дномъ?

Черкунъ.

Хотѣлъ? Ну, да... хотѣлъ... Такъ что-же? Что вы хотите сказать?

Лидія.

Я только напоминаю. Вы говорили, что вашей волей сюда придутъ новыя мысли, новые вкусы... а дядя Сержъ ничего не говорилъ — но посмотрите сколько мертвецовъ разложилось благодаря ему...

Черкунъ.

Ага, я понимаю васъ! Говорите дальше...

Лидія.

Я вотъ не вижу, чтобы жизнь обновилась, благодаря вамъ... а сами вы, мнѣ кажется, немного потускнѣли...

Степанъ (*изъ прихожей*)

Егоръ Петровичъ — на минуту!

Притыкинъ (*жалобно*)

Пожалуйста, Егоръ Петровичъ.

Черкунъ (*уходя*)

Я вамъ отвѣчу... потомъ...

Лидія.

Тетя! Да брось-же! Пойдемъ къ себѣ, а?

Богаевская.

Я и здѣсь, какъ у себя... подожди... Тутъ все такъ спуталось, запуталось... перепуталось... Это, милая моя, самый трудный пасьянсъ — „Двѣ необходимости“, зовутъ его...

Лидія.

Я — иду...

(*Идетъ въ прихожую и по лѣстницѣ вверхъ.*)

Богаевская.

(*наклонясь надъ картами*)

Ты идешь... ты идешь... а вотъ я что буду дѣлать? Да... А вотъ я и не знаю, что мнѣ дѣлать... (*поднимаетъ голову, оглядывается.*) А?... Ушли всѣ... и осталась я одна... Ну, одна, такъ одна... (*Смотритъ на карты и вдругъ смѣшиваетъ ихъ.*) Эхъ, Татьяна... скоро ты умрешь, Татьяна... скоро ты умрешь, старая дура... да... (*Идетъ въ прихожую — въ дверяхъ стоитъ Притыкина, въ платкѣ, жалкая, лицо дряблое, не накрашенное, какъ всегда. Богаевская отступаетъ предъ ней.*) Что тебѣ? Кто это...

Притыкина (*тихо*)

Я... Мой-то здѣсь, а?

Богаевская.

Это... ты, Пелагея?

Притыкина.

Да... я... мужъ-то здѣсь?

Богаевская.

Кажется — здѣсь... ну?

Притыкина (*тихо плачетъ*)

Вѣдь бросаетъ онъ меня... покидаетъ онъ меня... Всѣ вечера у Веселкина сидитъ, въ карты съ нимъ играетъ... и дочь его обольстить хочетъ... милая вы моя!

Богаевская.

Ну... не дури... врешь все! Тоже... обольстителя нашла! Не срамись... иди ко мнѣ... на верхъ...

Притыкина.

Сердечная вы моя — бьетъ меня! Вѣкъ ты мой загубила, говоритъ, чортова кукла... старая, говоритъ, вѣдьма ты... Иди вонъ, говоритъ... а куда я пойду? Имущество все на него переведено... все у него въ рукахъ... матушка — что дѣлать буду?

Богаевская (*идетъ*)

Лѣзь наверхъ... не шуми тутъ...

Притыкина (*слѣдуя за ней*)

Лѣзу, лѣзу... посовѣтуйте вы мнѣ — какъ съ нимъ быть? Какъ я буду теперь? Ай! голосъ его слышу... пустите впередъ меня... матушка...

(*Онѣ скрываются. Почти въ то-же время хлопаетъ быстро открытая дверь и изъ прихожей является взволнованный Притыкинъ — за нимъ Черкунъ и Степанъ.*)

Притыкинъ.

Нѣтъ, господинъ студентъ, такъ со мной нельзя-съ! Я человѣкъ всѣмъ здѣсь извѣстный... и даже буду головой... да-съ! А вы еще, съ позволенія сказать, просто молодой человѣкъ... и больше ничего!

Черкунъ.

Ну, здѣсь не мѣсто кричать...

Притыкинъ.

А мѣсто здѣсь называть меня жуликомъ? Почему я жуликъ... именно-съ?

Степанъ (*съ усмѣшкой*)

А вотъ — цифры...

Притыкинъ.

Цифры? Цифры можно написать какія угодно... это не резонъ... да-съ!

Степанъ.

Вы и написали какія вамъ было угодно... Вотъ объясните мнѣ, откуда у васъ эти 6300 р. взялись...

Притыкинъ.

Егоръ Петровичъ — Позвольте мнѣ не объяснять... пусть это будетъ между нами... Сергѣй Николаевичъ вѣрятъ мнѣ... А господинъ Лукинъ — я не знаю, чего они желаютъ...

Степанъ.

Поймать васъ въ плутовствѣ...

Притыкинъ.

Плутовство? Нѣтъ... я такъ не могу!...

Черкунъ (*сухо*)

Оставимъ это до завтра...

Притыкинъ.

Нѣтъ-съ, не могу! Я человѣкъ честный... Сергѣй Николаевичъ это знаетъ... Я насчиталъ вѣрно-съ... спросите ихъ... они знаютъ...

Черкунъ (*не громко, гнѣвно*)

Молчать... Идите сюда... ну? (*Ведетъ Притыкина къ себѣ.*)

Притыкинъ.

Позвольте... тащить меня нельзя...

(*Черкунъ вталкиваетъ его въ дверь и рѣзко захлопываетъ ее. Степанъ бросилъ счета на столъ, сунулъ руки въ карманы и ходитъ.*)

Степанъ (*сквозь зубы*)

Э... жулье... (*уходитъ.*)

(*Изъ комнаты Анны выходитъ Степа съ какой-то книгой въ рукахъ, проходитъ въ гостинную. Слышенъ голосъ Анны, она что-то читаетъ. Въ прихожей шумъ, шаги. Идетъ Цыгановъ и Монахова.*)

Цыгановъ.

... И стоялъ на крыльцѣ... одинъ. Осенью иногда хорошо посмотрѣть въ небо...

Надежда.

А гдѣ же всѣ?

Цыгановъ (*усмѣхаясь*)

Тотъ, кого вамъ нужно, явится, когда услышитъ вашъ голосъ... но онъ не дастъ вамъ ничего... Осенью по небу быстро бѣгутъ тучи... тяжелыя тучи...

Надежда.

Не люблю чернаго цвѣта. Самый важный, самый внушительный цвѣтъ — красный. Въ красномъ королевы ходятъ и разныя аристократки...

Цыгановъ.

Не видалъ, но представляю какъ это красиво... Н-ну-съ, скоро я уѣду, дорогая моя....

Надежда (*на диванѣ*)

Вы не одинъ уѣдете....

Цыгановъ.

Не одинъ? Какъ это понять? Вы рѣшили?

Надежда.

Что я рѣшила?

Цыгановъ (*не громко*)

Ѣдете со мной? Въ Парижъ? Подумай — Парижъ! Маркизы, графы, бароны, всѣ въ красномъ!

И у васъ будетъ все, что вы захотите... я все дамъ...

Надежда (*спокойно*)

Это просто даже неприлично, Сергѣй Николаевичъ! Какъ будто я какая нибудь... этакая...

Цыгановъ.

Вы — дивная, вы рѣдкая... страшная! И я люблю васъ — повѣрьте мнѣ! Люблю, какъ юноша... Вы... сила! Сколько счастья, сколько наслажденій ждетъ васъ...

Надежда.

Сергѣй Николаевичъ — ну, зачѣмъ-же все это? И развѣ можете вы любить, какъ юноша, когда вамъ скоро пятьдесять лѣтъ и черезъ два года, можетъ быть, вы совсѣмъ лысый будете? И что-же это за ѣзда по Парижамъ, если я васъ не могу любить? Вы очень интересный мужчина, но пожилой, и мнѣ не пара. Обидно даже, извините меня, слышать такія ваши намѣренія...

Цыгановъ (*почти стонетъ*)

О... чортъ возьми! Ну... хотите — обвѣнчаемся? Я устрою вамъ разводъ съ мужемъ и...

Надежда.

Не все ли это мнѣ равно? Вѣдь важенъ мужчина, а не что-нибудь другое... Нѣтъ, вы меня пожалуйста оставьте... Вы многому меня научили, стала я теперь умнѣе и смѣлѣе, за что весьма благодарю...

Цыгановъ (*приходитъ въ себя*)

Ну... хорошо! Давайте — похоронимъ это, мой другъ! Честное слово — моя послѣдняя попытка... больше нѣтъ времени... и силъ? И силъ нѣтъ...

Надежда.

Ну, вотъ! Вы умный человѣкъ... вы понимаете, что силу въ лавочкѣ не купить...

Цыгановъ (*какъ всегда*)

О да, вы правы! Это нѣчто въ родѣ ума — его не продаютъ даже въ универсальныхъ магазинахъ...

Надежда.

Вотъ видите!

(*Входятъ Рѣдозубовъ и Павлинъ. Рѣдозубовъ сильно постарѣлъ.*)

Рѣдозубовъ.

Здорово... дочь у васъ?

Цыгановъ.

Здѣсь, кажется... (*Стучитъ въ дверь къ Аннѣ.*)

Рѣдозубовъ (*Павлину*)

Видишь? Все — парами... да...

Анна (*изъ двери*)

Что вы? А, здравствуйте Василій Ивановичъ... Катя!

Надежда.

Добрый вечеръ, Анна Федоровна...

Анна (*вздрогнула*)

Ахъ... это вы?

Надежда.

Да...

Катя (*отцу*)

Ты что приплелся...

Павлинъ (*не громко*)

Тоскуютъ...

Анна.

Степа! (*Надеждѣ*) Вы будете пить чай? Вы любите...

Надежда.

Не откажусь...

Анна (*Степѣ*)

Пожалуйста, Степа, чаю... Я — сейчасъ! (*Уходитъ къ себѣ.*)

Цыгановъ.

И коньяку, Степа, и коньяку...
(*Подходитъ къ Монаховой и тихо гоговоритъ что-то.*)

Рѣдозубовъ.

Ты съ кѣмъ тамъ была? Только съ ней?

Катя.

Молчи... что за глупости!

Рѣдозубовъ.

Иди домой... а? Послѣдніе-то дни... дома бы посидѣла... а?

Катя.

Хорошо... Подожди, я сейчасъ... (*Быстро идетъ къ Аннѣ.*)

Рѣдозубовъ (*Павлину*)

Видѣлъ? Совсѣмъ чужая стала... отбили дочь... сына — пьяницей сдѣлали... разрушили жизнь мою... И — ничего...

Павлинъ (*тихонько*)

Не огорчайтесь.... подождите!

Рѣдозубовъ.

Чего ждать? Кому жаловаться?

Павлинъ.

Исправника они купили, но Господа никто купить не можетъ... поняли?

Рѣдозубовъ.

Притыкина обласкали, а меня исказили... Теперь — дочь... Она, можетъ, тамъ со студентомъ, а я... жду! Я? (*Вдругъ встаетъ и свирѣпо кричитъ.*) Катька!

Надежда.

Ахъ... что это?

Цыгановъ.

Что съ вами, почтенный?

(*Выходитъ Черкунъ, за нимъ — Притыкинъ съ видомъ человѣка, у котораго болятъ зубы. Выбѣгаютъ Катя, Анна.*)

Катя.

Что ты кричишь?

Рѣдозубовъ.

Домой!

Черкунъ.

Послушайте... здѣсь не базаръ...

Рѣдозубовъ (*рычитъ*)

На... на — добей! Разбойникъ! Бей меня...

Катя.

Отецъ... о, Господи...

Черкунъ.

Послушайте, старикъ...

Рѣдозубовъ.

Молчи! Не говори со мной... фармазонъ! Катерина — домой! Что, Архипъ... а? Радуешься? Блюдолизъ...

Притыкинъ.

Я, Василій Ивановичъ... не виноватъ!

Рѣдозубовъ.

Ага! Женился на богатой старухѣ, ограбилъ ее... любовницъ заводишь... въ головы лѣзешь... прихвостень!

Черкунъ.

Ну, вотъ что — идите-же ругаться куда-нибудь въ другое мѣсто...

Катя (*кричитъ*)

Иди... или тебя выгонятъ отсюда! Вѣдь это будетъ стыдно мнѣ, и больно... какъ я тогда

приду къ нимъ? Вѣдь я возненавижу тебя, если выгонятъ...

Рѣдозубовъ.

Что?... Какъ?

Анна.

Послушайте — она васъ любитъ... ей жалко васъ... она плакала... она васъ любитъ!

Рѣдозубовъ.

Коли любитъ... какъ-же бросаетъ меня, а?

Катя.

Идемъ... иди, ради Бога!

(*Ведетъ отца въ прихожую. Павлинъ, какъ-то странно вильнулъ и остановился у двери.*)

Черкунъ.

Архипъ Фомичъ — вы тоже уходите. Намъ больше не о чемъ говорить...

Притыкинъ (*вздыхая*)

Что-жъ... уйду... А между прочимъ господину Лукину я этого не забуду... Онъ здѣшній... я тоже... да-съ...

Анна.

Боже мой... какъ все это... странно...

(*Монахова все время изъ угла слѣдитъ съ улыбкой за Черкуномъ. Улыбка неподвижная, странная. Цыгановъ усиленно куритъ сигару и смотритъ на всѣхъ, шевеля усами. Степа готовитъ чай и пугливо, съ ненавистью, посматриваетъ на Павлина. Анна, посмотрѣвъ на Монахову, вздрогнула, дѣлаетъ движеніе къ ней, но, быстро повернувшись, уходитъ въ свою комнату.*)

Цыгановъ (*Черкуну*)

Ты съ нимъ... подвелъ итоги?

Черкунъ.

Да. Намъ нужно поговорить съ тобой... О, Надежда Поликарповна — вы пришли? А я не вижу васъ! Ну, здравствуйте... Скверная погода, не правда-ли? И вообще — скверный день... все какія-то нелѣпыя сцены... объясненія...

Цыгановъ.

Мы съ тобой, очевидно, не сейчасъ будемъ говорить...

Черкунъ.

Ну, разумѣется! Вы, что-же здѣсь, въ углу и въ темнотѣ? Идемте въ гостинную...

Надежда.

Съ удовольствіемъ... А я ждала, когда вы взглянете на меня...

(*Они уходятъ въ гостинную — оттуда слышенъ ихъ негромкій говоръ.*)

Цыгановъ (*Павлину*)

Н-да... вы здѣсь? Н-ну, что-жъ вы скажете мнѣ?

Павлинъ.

Разрушился старикъ-то... Ему-бы допустить, чтобъ его выгнали отсюда! — Послѣ такого съ нимъ поступка, Катюшѣ-то, дѣйствительно, невмѣстно было бы ходить сюда...

Степа (*невольно, негромко*)

У-у... змѣй!

Цыгановъ
(*задумался и не слушая Павлина*)

Д-да... ну, что-же?

Павлинъ.

А тамъ ужъ видно было-бы... Осмѣлюсь, сударь мой, спросить васъ — какъ трудъ мой? Разсмотрѣли? (*Цыгановъ смотритъ на него и молчитъ, Павлинъ отодвинулся отъ него.*) Тетрадочку моего рукописнаго труда, говорю я, изволили читать?

Цыгановъ.

Что? Ахъ, да... (*Рѣзко*) Это чепуха, старикъ.

Павлинъ (*не вѣритъ*)

Девятилѣтный трудъ мой чепуха?

Цыгановъ (*возбужденно*)

Ну, да! Что значитъ девять лѣтъ, когда, порой, вся жизнь... (*Оборвалъ и пренебрежительно*) Сейчасъ я принесу эту философію... подождите... (*Идетъ въ гостинную.*) Согрѣйте мнѣ бутылку краснаго, Степа.

Павлинъ (*негромко*)

А я, дѣвушка, сегодня опять папашу твоего видѣлъ. (*Степа оперлась руками о столъ и въ упоръ смотритъ на Павлина.*) ... Вѣтеръ на улицѣ, дождикъ сѣетъ... а отецъ твой пьяненькій идетъ... голый весь и — плачетъ... и горько плачетъ!...

Степа (*глухо*)

Врешь! За что мучаешь? (*Бросаетъ въ него крышкой отъ самовара.*) Вотъ тебѣ... дьяволъ!... колдунъ!

Анна (*отворяя дверь*)

Что это?

Павлинъ (*поднимая крышку*)

Тушилочка упала... по неосторожности...

Степа.

Прогоните его!...

Цыгановъ (*выходя*)

Вотъ, получите...

Степа.

Прогоните его!

(*Анна подходитъ къ ней, тихо спрашиваетъ о чемъ-то. Потомъ Степа уходитъ. Анна стоитъ у стола, слышитъ разговоръ въ гостиной — на ея лицѣ боль и отвращеніе.*)

Павлинъ.

Зачѣмъ-же, дѣвушка, гнать? Я и самовольно уйду! Такъ, изволили сказать, чепуха?

Цыгановъ.

Да, да...

Павлинъ.

Значитъ — девять лѣтъ я ошибочно разсуждалъ? Покорнѣйше благодарю васъ, сударь мой... А съ вашей стороны — ошибки быть не можетъ? Прощайте... (*Идетъ.*)

Цыгановъ.

Навсегда! Дѣйствительно — купоросъ, какъ говоритъ исправникъ... Однако — вамъ дурно?

Анна (*шопотомъ*)

Что она говоритъ? Послушайте...

Цыгановъ (*не громко*)

Я при такихъ условіяхъ не позволяю себѣ что-либо слышать...

Анна.

О, что она дѣлаетъ?

Цыгановъ (*громко*)

Вы что-же господа не идете? Чай готовъ...

Черкунъ.

Сейчасъ...

Анна (*не громко, съ болью*)

Вы думаете я... вы думаете я подслушивала, да? Какъ вамъ не стыдно!

Цыгановъ.

Да, нѣтъ-же! Егоръ, пойди сюда...

(*Анна бѣжитъ въ свою комнату.*)

Черкунъ (*въ двери*)

Ну? Что?

Цыгановъ (*не громко*)

Пойди сюда... сейчасъ твоя жена слышала что-то и очень взволновалась...

Черкунъ (*съ гримасой*)

Э, обычная исторія! Надежда Поликарповна шалитъ... и больше ничего! Разсказываетъ мнѣ,

какъ разные люди должны объясняться въ любви... Это удивительно забавно...

(*Поспѣшно уходитъ. Цыгановъ пожалъ плечами, расправилъ усы, налилъ большую рюмку коньяку, выпилъ. Взявъ шляпу, идетъ въ прихожую. — На встрѣчу Монаховъ — смирный, грустный.*)

Монаховъ (*тихо*)

А!... у васъ крыльцо не заперто... здравствуйте!

Цыгановъ.

Добрый вечеръ... Хотите коньяку?

Монаховъ.

Позвольте... Холодно... Супруга... моя... здѣсь?

Цыгановъ.

Налить еще?

(*Монаховъ молча киваетъ головой. Цыгановъ насвистываетъ что-то.*)

Монаховъ (*тихо*)

А я... за ней...

Цыгановъ (*улыбаясь*)

Позвать?

Монаховъ.

Нѣтъ... не надо... Я, лучше, еще выпью...

Цыгановъ (*улыбаясь*)

Развѣ это лучше?

Монаховъ.

Не смѣйтесь... что ужъ!

Цыгановъ.

.. А помните — пари?

Монаховъ.

Что-жъ? вы проиграли...

Цыгановъ.

Васъ, однако, не радуетъ это? Э, что это вы? Не надо!...

Монаховъ (*плачетъ*)

Тоска... какъ я теперь буду, а? Подумайте... какъ? Вѣдь кромѣ ея ничего нѣтъ! ничего!

Цыгановъ (*скрывая брезгливость*)

Ну, пойдемте... ко мнѣ... или на воздухъ... Идите, пожалуйста! Страдайте, если это необходимо, но никогда не нужно быть смѣшнымъ и некрасивымъ, мой другъ...

(*Идутъ въ прихожую. Въ комнатѣ тихо. Изъ гостинной раздается мурлыкающій, пониженный голосъ Монаховой.*)

Надежда.

Настоящая любовь ничего не жалѣетъ, ничего не боится...

Черкунъ (*смѣясь*)

Ну, оставимъ это... Вы сегодня такъ говорите... (*Является въ дверяхъ гостинной, взволнованъ.*)

Монахова (*сзади его*)

О любви ничего нельзя сказать... Это я вамъ о томъ говорила, какъ разные герои объясняются. А любить нужно молча...

Черкунъ (*бормочетъ*)

Молча?... Ну... давайте чай пить... что-ли...

Монахова (*негромко*)

Боитесь?

Черкунъ.

Я? Чего?

Монахова.

Меня. Вотъ ужъ не думала я...

Черкунъ.

Ну, довольно, однако...

Монахова.

Не думала, что вы бояться можете...

Черкунъ (*близко къ ней*)

Смотрите... берегитесь!

Монахова.

Чего-же мнѣ беречься?

Черкунъ

(*кладетъ ей на плечи свои руки*)

Ты любишь меня... да? Ну, говори... любишь?

Монахова (*тихо, твердо*)

Да! Какъ увидѣла... сразу... Мой—Жоржъ! ты мой Жоржъ...

(*Обнимаетъ его. Онъ дѣлаетъ движеніе, чтобы освободить себя. Анна выходитъ, лицо у нея заплакано, въ рукахъ платокъ. Увидавъ мужа и Надежду, выпрямилась и вся натянулась, какъ струна.*)

Анна (*не громко*)

Это... мерзко!

Черкунъ (*съ пьяной улыбкой*)

Не спѣши, Анна... хотя — все равно!

Надежда.

Да. Ужъ теперь — все равно!

Анна (*съ отвращеніемъ*)

О... вы звѣрь! Вы — гадкій звѣрь...

Надежда (*спокойно*)

Это потому, что полюбила?

Черкунъ (*точно проснулся*)

Подожди Анна, молчи...

Анна.

Молчать? О, какъ низко ты упалъ... Я поняла-бы... если-бъ не эта... если-бъ — другая... но — эта! Это животное...

Надежда (*Черкуну*)

Уйдемъ, Жоржъ...

Черкунъ.

Надежда Поликарповна, послушайте...

(*Шумъ въ прихожей. Быстро вбѣгаетъ Цыгановъ, за нимъ бѣжитъ докторъ и Монаховъ.*)

Цыгановъ.

Уймите этого болвана! Онъ мнѣ испортилъ палецъ...

Докторъ

(*въ рукахъ у него большой, старый револьверъ. Держась рукой за косякъ, онъ цѣлитъ въ Цыганова*)

Я тебя всего испорчу... (*Спускаетъ курокъ. Осѣчка.*)

Цыгановъ.

Оселъ! Стрѣлять не умѣешь!

Черкунъ (*бросаясь къ доктору*)

Брось!

Анна и Надежда (*вмѣстѣ*)

Уйди! Убьетъ!

Докторъ

(*вертитъ пальцами барабанъ*)

Будь проклятъ... чортъ...

Надежда (*вырывая револьверъ*)

Ахъ ты.. глупый!

Черкунъ.

Вы съума сошли?

Монаховъ.

Надя... убьетъ?

Лидія (*вбѣгаетъ*)

Что случилось?

Цыгановъ (*возбужденно*)

У меня достаточно своихъ грѣховъ... я не хочу платиться за чужіе... дикарь!

Анна (*Лидіи*)

Онъ цѣловалъ ее... ее! (*Монахову*) Уберите отсюда эту... (*Лидіи*) Онъ цѣловался съ ней...

Лидія
(*ведетъ ее прочь*)

Степа! Позовите тетю сюда...

Докторъ (*глухо, Черкуну*)

Съ нимъ? Съ вами?

Черкунъ.

Ступайте вонъ...

Цыгановъ
(*обертывая руку платкомъ*)

Проснулся... идіотъ!

Докторъ (*тоскливо*)

Надежда! Кого ты выбрала?

Надежда
(*все время смотрѣла на него съ довольной улыбкой*)

Я вамъ не ты...

Докторъ.

Кого ты выбрала?

Надежда
(*указывая на Черкуна, гордо*)

Его!

Монаховъ (*стонетъ*)

Надя... Надя! За что? Въ чемъ я виноватъ... Надюша!

Богаевская (*идетъ*)

Что — скандалъ? Дожили! (*Проходитъ въ комнату Анны.*)

Докторъ (*Цыганову*)

Вы... баринъ! Я — виноватъ... Оказывается, надо было его... а впрочемъ это все равно! Вы оба — хищники... Мнѣ жаль, что я не убилъ васъ... мнѣ жаль...

Надежда (*сожалѣя*)

Что вы можете... эхъ вы!

Докторъ.

Да... ничего не могу! Все сгорѣло въ душѣ моей... Это ты сожгла!

Черкунъ.

Ну... довольно я говорю!

Монаховъ.

Надя... уйдемъ домой!

Надежда (*твердо*)

Мой домъ — тамъ, гдѣ онъ... тамъ мой домъ!

Докторъ.

Четыре долгихъ года горѣло мое сердце...

Цыгановъ.

Егоръ! Чего онъ разглагольствуетъ? Сорвалъ мнѣ ноготь...

Черкунъ (*доктору*)

Вы дешево отдѣлались за вашу выходку... ступайте! Будетъ...

Докторъ

(*пришелъ въ себя. Просто*)

Прощай... Надежда! Я тебя люблю... Прости меня меня... за все! Прощай... Ты погибнешь съ ними... погибнешь! Прощай!... Прощайте... воронье... (*Идетъ.*)

Цыгановъ (*Надеждѣ*)

Ну, вы довольны, наконецъ? Все какъ въ романѣ — любовь счастливая, штуки три несчастныхъ... попытка выпалить изъ револьвера... кровь — (*показываетъ завернутый платкомъ палецъ*) — хорошо?

Надежда (*тупо*)

Что-жъ онъ теперь... тоже убьетъ себя?

Цыгановъ.

Я-бы застрѣлился... отъ стыда...

Монаховъ (*Черкуну, тихо*)

Отдайте мнѣ... жену! Отдайте... Больше ничего не имѣю... все въ ней. Всю жизнь ей отдалъ... воровалъ для нея...

Черкунъ (*рѣзко*)

Пожалуйста... возьмите!

Надежда (*изумленно — Черкуну*)

Что ты сказалъ? Возьмите? Да?

Черкунъ (*твердо*)

Да! Вотъ что, Надежда Поликарповна, я васъ прошу, простите меня...

Надежда.

За что?

Черкунъ.

Не придавайте значенія моему поступку... Минутная вспышка... вызванная вами-же... это еще не любовь...

Надежда (*глухо*)

Говори проще... Христа ради! Чтобы я поняла скорѣе.

Черкунъ.

Я не люблю васъ... нѣтъ!

Надежда (*не вѣритъ*)

Да... нѣтъ-же! Ты — поцѣловалъ меня... Меня никто не цѣловалъ... только ты!

Монаховъ (*кротко*)

А я... а я, Надя?

Надежда (*тяжело*)

Молчи, покойникъ!

Черкунъ.

Кончимъ все это! Вы поняли меня?... Простите... если можете! (*Хочетъ уйти.*)

Надежда (*странно — печально*)

Да нѣтъ-же! Я вотъ сяду... Жоржъ — сядьте рядомъ, а? Егоръ Петровичъ...

Черкунъ.

Я не люблю васъ... не люблю!

(*Уходитъ къ себѣ. Монахова тихо опускается на диванъ. Остолбенѣла' Цыгановъ радостно изумленъ. Усы у него двигаются. Монаховъ стоитъ у двери, весь какой-то кривой, изломанный.*)

Цыгановъ (*весело*)

Вотъ идіотскій городъ! Все вверхъ ногами въ немъ: докторъ долженъ лѣчить, а онъ — наноситъ раны...

Монаховъ.

Надя...

Надежда.

А?...

Монаховъ.

Идемъ домой...

Надежда (*не громко, спокойно*)

Иди одинъ, покойникъ... иди!

(*Вздохнувъ, Монаховъ ушелъ въ столовую.*)

Цыгановъ (*не громко*)

Поѣзжайте-ка въ Парижъ? дорогая моя, а?

Надежда.

А онъ меня не любитъ... это вѣрно?

Цыгановъ.

Конечно! Развѣ, когда любятъ...

Надежда.

Не надо... я сама знаю...

Цыгановъ.

Ну, вотъ видите, радость моя...

Надежда (*въ тоскѣ*)

А можетъ... только боится?

Цыгановъ (*вздохнулъ*)

Ну... чего ему бояться?

Надежда.

А докторъ... убьетъ себя... да?

Цыгановъ.

Сомнѣваюсь... Но если и такъ — что-же? Вы къ этому привыкли... теперь, вотъ, докторъ... потомъ, вѣроятно, я...

Надежда (*качая головой*)

Изъ чего ему убить себя? Пистолетъ — вотъ онъ...

Цыгановъ.

Можно другой купить...

Надежда.

Здѣсь — не продаютъ... Душно здѣсь! Охъ, какъ душно мнѣ... Пойдемте... хоть на крыльцо... постоимъ тамъ... пойдемте!

Цыгановъ.

За вами я куда угодно... хоть на крышу! Вѣдь я люблю васъ... я васъ — люблю!

Надежда.

Нѣтъ... не надо! (*Съ глубокимъ убѣжденіемъ*) Какъ вы можете любить, если онъ не можетъ?

Онъ! Онъ испугался... самъ онъ! Никто не можетъ любить меня...

(*Они уходятъ. Изъ комнаты Анны выбѣгаетъ Степа, за ней Лидія. Степа беретъ что-то изъ шкафа. Выходитъ Черкунъ, угрюмый, подавленный.*)

Лидія.

Пятнадцать капель, Степа...

Степа.

Какъ страшно жить-то... Господи!

Лидія.

Идите! нужно скорѣе...

Черкунъ.

Что... Анна?

Лидія (*пожимая плечами*)

Ничего... какъ скажешь иначе?

Черкунъ.

Мнѣ... т. е. ей трудно будетъ видѣть меня...

Лидія.

А что вамъ нужно отъ нея?

Черкунъ.

Я очень прошу васъ сказать ей... что Монахова... ушла. Я объяснилъ ей мой поступокъ... и просилъ простить меня... Она ушла... больше не вернется...

Лидія.

Я плохо понимаю...

Черкунъ.

Она... сама-же разбудила во мнѣ звѣря... ну, я поцѣловалъ ее... не могъ сдержать себя... Сильна — эта женщина!

Лидія (*съ ироніей*)

А! Это она виновата? Васъ — соблазнили? Бѣдный...

Черкунъ (*тихо*)

Вы... я вамъ противенъ?

Лидія.

(*тихо, сильно, мстительно*)

О, да, вы мнѣ противны, да! Я презираю васъ... потому что... потому, что готова была любить...

Черкунъ.

Вы? Нѣтъ? Но зачѣмъ-же тогда вы такъ холодно, такъ придирчиво относились со мной? Такъ гордо? Почему, когда вы видѣли — я падаю...

Лидія.

Я не занимаюсь спасеніемъ погибающихъ... Пусть тотъ, кто способенъ погибнуть — погибаетъ! Это освѣжаетъ жизнь... это уничтожаетъ лишнее... только лишнее!

Черкунъ.

Я чувствовалъ — вы что-то искали во мнѣ... Я много любовался вами... и... но я теперь не смѣю этого сказать...

Лидія.

Да, вы не смѣете сказать это! Ну да! Я искала... я думала, что найду стойкаго, твердаго человѣка, котораго можно бы уважать... Я давно ищу... я ищу человѣка, чтобы поклониться

F. Stankiewicz' Buchdruckerei, Berlin SW. 11.